Тетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

№ 2 2018

Николай Александрович Бердяев

фонд ИСЭПИ
Институт социально-экономических и политических исследований

Тетради по консерватизму

[№ 2 2018 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)
2018

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология, 09.00.00 – Философские науки.

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мощелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, А.А. Ширинянц.

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 2. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018. – 338 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» отдает дань памяти русскому мыслителю Н.А. Бердяеву и приурочен к 70-летию его кончины. Истоки и смысл бердяевской философии, перекличка бердяевских тем в разные времена и эпохи, влияние мыслителя на отечественную и зарубежную мысль – сквозные темы выпуска.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации Альманах “Тетради по консерватизму”», 2018
© Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018

Содержание

Леонид Поляков
Слово к читателю
7

Раздел первый

Личное дело

М.А. Маслин
К вопросу о консерватизме Николая Бердяева
11
В.В. Аксючиц
Заблуждения гения – Н.А. Бердяев о «русском коммунизме»
21
M. Martin
Nikolai Berdyaev: Philosophy, Prophecy, Eschatology
34
Н.Н. Ростова
Творчество Николая Бердяева в контексте идеи философской антропологии
40
А.С. Ципко
Философские и личные истоки антибуржуазности Николая Бердяева
45
Л.Е. Шапошников
Н.А. Бердяев и русское православие
59
А.А. Тесля
Розанов и Бердяев: в полемике и перекличке тем
64

Раздел второй

Топография мысли

А.И. Болдырев
Основной вопрос философии Николая Бердяева
75
А.С. Ципко
Как «легальные марксисты» расставались со своим учителем
81
А.А. Кара-Мурза
Н.А. Бердяев и его «московская идентичность»
107
Н.К. Гаврюшин
От свободы-в-Вольтере к свободе-во-Христе: Бердяев глазами французских философов
117
В.В. Ванчугов
Бердяев today: образ мыслителя в современном англоязычном мире
127
А.И. Иваненко
Проблема национальной атрибуции в философии
135

Раздел третий

Смысл истории

Л.Е. Шапошников
Историософские взгляды Н.А. Бердяева
143

игумен Виталий (Уткин), Н.В. Рюмин-Македонов
«Великая Россия» vs апокалипсическая революция: Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, Д.С. Мережковский
151
Е.С. Холмогоров
Старый порядок и реставрация. Идеология Солженицына в координатах анти-Просвещения
169
Ф.И. Гиренок
О прозрениях и заблуждениях Н. Бердяева в работе «Новое средневековье»
203
А.С. Абрамян
«Русский мессианизм»: Предыстория (XI–XIV века)
207

Раздел четвертый

По мотивам

Е.С. Холмогоров
Неопровергнутое доказательство. Философия В.И. Несмелова, о счастье, смерти, Боге и человеке
221
В.И. Шамшурин
О значениях консерватизма
241
В.А. Щипков
Интеллигентная воровская речь
261
М.В. Медоваров
Есть ли у бюрократии идеология? Заметки на полях дискуссии о статье Николая Бердяева
269
В.А. Кудрявцев, Т.Н. Грудина, А.И. Вакулинская
Актуальность наследия Н.А. Бердяева и И.А. Ильина в условиях кризиса институтов семьи и государства в современной России
280

Раздел пятый

Прикосновенный запас: из неопубликованного и непрочитанного

А.А. Гапоненков
«…Нас объединяет то, что мы свободные мыслители…»: фрагмент переписки С.Л. Франка и Н.А. Бердяева 1938–1939 годов
295
М.А. Колеров
Николай Бердяев. Памяти А.П. Чехова (1904)
301
М.А. Колеров
В.В. Зеньковский в газете «Народ» (1906)
315

Раздел шестой

Персоны и книги

Н.Н. Ростова
Протоиерей Всеволод Чаплин: Истина и «кривды»
327
Мэтью Купер
Щипков, аксиомодерн и «Новый Бронзовый век»
331

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2018-0-2-169-202

Егор Холмогоров

Старый порядок и реставрация. Идеология Солженицына в координатах анти-Просвещения

«Просвещенное анти-Просвещение» – под это данное Михаилом Ремизовым [54, с. 9] яркое определение консерватизма как нельзя лучше попадает идеология Александра Солженицына, одного из важнейших консервативных мыслителей XX века, ставшего своего рода Отцом-основателем новой постпостсоветской России с ее культурным традиционализмом, геополитическим антиглобализмом, все более определенным национализмом. Впрочем, и для многих на Западе мысль Солженицына, выраженная в сотрясшей основы моральной и интеллектуальной самоуспокоенности «Гарвардской речи», является той точкой отсчета, с которой начинается восстание против современного ультралиберального мира.

В одном из обсуждений творчества Александра Солженицына французский философ Андре Глюксман точно сформулировал парадокс, который смущает столь многих в творчестве и идеях русского писателя: «Для меня этот человек непосредственно принадлежит, естественно вписывается в плеяду писателей, которые свое искусство поставили на службу борьбе за справедливость. Но ряд таких писателей – Толстой, Золя, Гюго – состоял из людей, которые полностью принимали и полностью соответствовали идеологии Просвещения. А Солженицын к этой идеологии сейчас относится критически, и в этом парадокс» [17, с. 418].

Большинство писателей и мыслителей гуманистов обличали жестокость и «косное насилие» (по выражению Фернана Броделя) так называемого старого порядка. В то же время к насилию революционному, к насилию угнетенных, или, что чаще, от имени и без поручения угнетенных, они относились снисходительно и с пониманием, как к неизбежным эксцессам по пути освобождения.

Солженицыну довелось оказаться по ту сторону «освобождения», и он открыл себе и другим страшную правду, что новый порядок, порядок, основанный на идеях Просвещения, на доктринах Вольтера, Дидро и Руссо, порядок, подчиняющийся безжалостному уравнению Токвиля: «постепенное установление равенства условий есть предначертанная свыше неизбежность» [45, с. 23] – является много более жестоким, кровавым, несправедливым, чем старый.

Правда старого порядка

Солженицын увидел правду старого порядка (хотя и не закрыл глаза на его несправедливости) и сумел в своих художественных и публицистических произведениях ее показать. В «Архипелаге» сквозной нитью сравнение «жестокостей царских сатрапов» (привольные ссылки, из которых беги – не хочу, забастовки заключенных, все казни за целое столетие укладываются в один день работы НКВД в 1937 году) с нечеловеческой в своей

Холмогоров Егор Станиславович, публицист. E-mail: holmogorow@yandex.ru

безжалостной эффективности машиной красного насилия, построенной «освободителями от многовекового гнета». В «Красном колесе» с каждым томом, по мере избавления от «кадетских прихромов» нарастает ощущение осмысленности, разумности устройства, работоспособности царских учреждений. Которые и не обязательно, и не желательно было ломать, если мы хотели достичь не то что высоких духовных целей – обычного человеческого счастья.

В полемике с Сахаровым Солженицын использует принцип большой исторической длительности для отвержения демократического утопизма. Подавляющая часть мировой истории прошла при «старом порядке» и человек при том жил, и жил всяко не хуже.

> «В долгой человеческой истории было не так много демократических республик, а люди веками жили, и не всегда хуже. Даже испытывали то пресловутое счастье, иногда названное пасторальным, патриархальным, и не придуманное же литературой. И сохраняли физическое здоровье нации (очевидно так, раз нации не выродились). И сохраняли нравственное здоровье, запечатлённое хотя бы в фольклоре, в пословицах, несравненно высшее здоровье, чем выражается сегодня обезьяньими радиомелодиями, песенками-шлягерами и издевательскою рекламой: может ли по ним космический радиослушатель вообразить, что на этой планете уже были – и оставлены позади – Бах, Рембрандт и Данте?
>
> Среди тех государственных форм было много и авторитарных, то есть основанных на подчинении авторитету, с разным происхождением и качеством его (понимая термин наиболее широко: от власти, основанной на несомненном авторитете, до авторитета, основанного на несомненной власти). И Россия тоже много веков просуществовала под авторитарной властью нескольких форм и тоже сохраняла себя и своё здоровье, и не испытала таких самоуничтожений, как в XX веке, и миллионы наших крестьянских предков за десять веков, умирая, не считали, что прожили слишком невыносимую жизнь» [2, с. 25–26].

Такой аргумент, конечно, мог прийти в голову только не-прогрессисту, тому, кто не заворожен достижениями индустриальной эры с ее автомобилями, телевизорами, развитой медициной и супермаркетами на каждом углу. Солженицын здесь отвергает неявно заложенный в прогрессистскую модель тезис о возрастании ценностного веса истории в зависимости от столетия, когда XIX век «весит» бесконечно больше XIII, а XX «тяжелее» XIX. Прошедший через главные ужасы XX века Солженицын в этом категорически сомневается.

В исторической оптике, в которой XX век не значительнее X, тысячелетия авторитарных патриархальных режимов конечно весомее, чем короткий век «демократических республик», никак не доказавший ни свою устойчивость, ни свою долгосрочную эффективность. Солженицына гораздо более тревожит не то самодержавие, что было в прошлом, а те «самодержавия», точнее тоталитарные диктатуры, которые существуют в настоящем, в виде коммунистических партократий, или будущем, в виде либеральных технократий «очень интеллигентных» людей.

«Страшны не авторитарные режимы, но режимы, не отвечающие ни перед кем, ни перед чем. Самодержцы прошлых, религиозных, веков при видимой неограниченности власти ощущали свою ответственность перед Богом и собственной совестью. Самодержцы нашего времени опасны тем, что трудно найти обязательные для них высшие ценности» [2, с. 26–27]. Мысль Солженицына здесь удивительно созвучна мысли Карамзина, что лучшая гарантия от тирании не конституция, а доброе правление, сужающее возможности зла для преемников [47].

Еще в большей мере, чем приятие старого порядка, для Солженицына характерна неприязнь к идеологии Просвещения. На протяжении всех сорока лет своей обществен-

ной и публицистической активности он высказывается об этой идеологии с неизменной враждебностью, виня ее почитай что во всех бедах современного человечества. Вольтер, Руссо, Дидро, Локк, Бентам, Тюрго появляются на страницах его текстов едва ли не в качестве личных противников.

Солженицын противостоит Просвещению, говоря языком страдания и будучи голосом боли тех, кто был замучен именно ради «идеалов просвещения», вдохновленными ими революциями – французской-якобинской и российской-большевистской, сходным чертам которых он посвятит замечательное эссе «Черты двух революций» [35].

Он выступает как защитник естественности жизни, нарушаемой и уродуемой революционными взрывами. В этом смысле Солженицын, несомненно, привержен «натуралистической» традиции консерватизма. «Откуда у яблони убеждение, что она должна рожать яблоки? Двадцать тысяч лет стоят яблоневые сады и дают всё яблоки и яблоки. А есть, кроме того, сливы. А сливы дают свои сливы» [25, с. 455].

Однако он никогда не отклоняется в сторону руссоистского натурализма [53]. Солженицын отвергает концепцию природной доброты руссоистского «дикаря» и зависимости его добродетели от внешней среды: «Я совсем не смотрю так, как Руссо. Это жестокая ошибка была объявить, что человек по природе добр, а его портит среда, обстоятельства. Я настойчиво всегда повторял, много раз, что линия, которая разделяет добро и зло, проходит не между государствами, не между партиями, не между нациями, но по сердцу каждого человека. Человек по природе склонен и к добру, и к злу» [25, с. 459].

Перенос ответственности за нравственное решение, за выбор между добром и злом, – тот главный грех перед человеком, который совершает, с точки зрения Солженицына, просвещенческая философия: «Когда с XVIII века (а где и с XIX) стала ослабляться религия, то эта вера была перенесена исключительно на социальное устройство. С потерей религиозного чувства стал слабеть путь совершенствования отдельного человека, воспитания отдельного человека, и весь центр тяжести перенёсся на то, что вот перестроим общество – и тогда будет всё хорошо» [25, с. 458]. Именно за попытку перестроить душу человека через перестройку общества заплачено в конечном счете кровавой ценой гильотины и ГУЛАГа.

«Просвещение» и «гуманизм», понимаемый как светский обезбоженный гуманизм Нового времени в противоположность естественной человечности и милосердию, – наиболее негативно нагруженные понятия в словаре Солженицына. «Гуманизм увлекся заманчивым замыслом перенять у христианства его светлые идеи, его добро, сочувствие к угнетённым и обездоленным, его признание свободы воли… – но при этом как-нибудь обойтись без Творца Мироздания» [14, с. 484].

Иной раз гуманизму и в самом деле удавалось смягчать жестокости, но в XX веке мир взорвали две ужасные войны, после которых, чтобы сохранить свой пафос, гуманизм предстал перед миром в образе «обещательного глобализма»: установить на планете всемирный рациональный порядок. Всему населению земли даровать равноправие, учредить мировое правительство… Однако и этот тур обещаний закончился обманом.

> «Из общего употребления стал исчезать термин “прогресс для всех”. Если где-то нужны какие-то уступки, то почему от нас, наиболее эффективных и приспособленных народов, от “золотого миллиарда”… Разрыв между передовыми странами и отсталыми не только не сокращается, но увеличивается… действует жёсткий закон: единожды отставший обречён отставать дальше… если нужно сколько-то приглушить индустрию на Земле – не естественно ли сделать это за счёт Третьего мира?.. Для этого существуют мощные финансово-экономические рычаги: есть мировые банки, есть транснациональные корпорации… Такое изменение совсем ли неожиданно для

> Гуманизма? А вспомним, что в его развитии был период, после Гольбаха, Гельвеция, Дидро, когда была провозглашена и получила множество сторонников – "теория разумного эгоизма"… И в нынешней российской прессе читаю "просвещённый эгоистический интерес". Понимаете, хотя и эгоистический – но *просвещённый*» [14, с. 486].

Меняются эпохи, меняются доминирующие интеллектуальные течения, воздействующие на Солженицына. Из сторонника теории «пределов роста» он превращается в язвительного антиглобалиста, вскрывающего подлинную подноготную прежде так увлекавшего его антииндустриализма, оказавшегося экономией на слабых. Но одно остается неизменным – зло современного мира Солженицын возводит к просвещенческой парадигме. «Из века Просвещения, – подчеркивает он, – равно протянулись корни и либерализма, и социализма, и коммунизма» [14, с. 487].

И вот этот просвещенческий гуманизм дошел до того, что «можно – о, только ради гуманных целей! – три месяца бомбить многомиллионную европейскую страну, лишая крупные города и целые области живительного в наши дни электричества и без колебания разрушая достопамятные европейские дунайские мосты. Во имя ли того, чтобы охранить от депортации одну часть населения – и обречь на нее другую часть? Во имя ли того, чтобы излечить государство, признаваемое больным, – или для того, чтобы навсегда оторвать от него лакомую провинцию?» [14, с. 487]. Косовская война, ставшая знаковым водоразделом русского самосознания в его отношениях с Западом, для Солженицына – еще один плод Просвещения.

И в этом с ним безоговорочно согласны ведущие европейские интеллектуалы, мнения которых собрал в 1999 году журнал «Логос». «Наталкивается ли здесь универсализм Просвещения на своенравие политической власти, которое неминуемо предписывается коллективным самоутверждением частной общины?» – рассуждал Юрген Хабермас [46, с. 14]. В самом деле, что такое «коллективное самоутверждение частной общины», то есть национальный суверенитет, перед универсализмом Просвещения? Как заметил, резюмируя ту дискуссию, Модест Колеров: «Утвердив для себя, внутри себя, свои ценности, консенсуальный Запад сегодня побеждает некорректный, не включаемый в сферу консенсуса не-Запад и отныне волен экстерриториально нести ему не просто свое Просвещение, а себя как триумф Просвещения. Просвещения для себя и просветительского расизма для иных» [41, с. 8].

Просвещение выступает у Солженицына как собирательный образ, если угодно – генерализирующая метафора того зла современного мира, которому он противостоит. Два жернова, между которыми угодило его зернышко – коммунистический и западно-либеральный, – оказываются в конечном счете частями одной мельницы – мельницы Просвещения. Две дороги к одному обрыву, по меткому образу его соратника Шафаревича, уложены одним грейдером, за рычагами которого Вольтер, Дидро и Руссо.

Солженицын и Бердяев. В поисках Нового Средневековья

В своей критике идеологии Просвещения, представлении ее как уже прошедшего и ретроградного, Солженицын во многом выступает как интеллектуальный наследник русской религиозной философии, мыслителей «веховской» традиции – прежде всего С.Н. Булгакова и Н.А. Бердяева.

Отношение Солженицына к Бердяеву двоится, как двоился и троился на протяжении своего пути сам философ. С одной стороны, для писателя абсолютно неприемлема бердяевская апология коммунизма как якобы выражения присущего русской истории «мессианского» начала, сформулированная в «Истоках и смысле русского коммунизма». Для

него возмутительны отсылки к Бердяеву американских русофобствующих «советологов», возводящих советский коммунизм к русской традиции. Со ссылкой на замечательную книгу Н. Полторацкого [42] Солженицын ядовито характеризует бердяевские интеллектуальные метания:

> «Философия Бердяева вообще есть весьма капризное творчество. В течении своей жизни он по меньшей мере два, а в чём и три раза менял свой образ мыслей почти на 180 градусов, выступая против своих прежних взглядов как против чужих. Его книга о коммунизме в России не есть объективное историческое исследование, не анализ исторических фактов, а претворение его индивидуальных философских переменчивых установок, законченных тем, что он вывесил на своём доме советский красный флаг. Многие общемировые процессы (как подмена религиозного творчества социальным) он искусственно приписывает одной России. Не останавливается перед тем, чтобы человеконенавистнический марксизм назвать "этическим учением", о Марксе и Ленине заявить, что они "хотели добра", – это звучит кощунственно над трупами замученных миллионов… Бердяев признаёт, что в русской истории были "перерывы органического развития", – и тут же, сам себе противореча, всё строит на "органической традиции", по удобству – то от Московской Руси, то от исключающей её Петербургской» [20, с. 392–393].

С другой стороны, консервативного Бердяева эпохи от «Вех» до «Философии неравенства» и «Нового средневековья» Солженицын весьма ценит, постоянно цитирует, является, по сути, его заочным учеником и продолжателем. Дело доходило до обвинений в плагиате, – советский пропагандист Н. Яковлев, явно плохо понимая, как устроена интеллектуальная традиция, обвиняет «Из-под глыб» в… плагиате «Вех» и разражается комичной тирадой: «Так вот откуда солженицынское "раскаяние"! Плагиат Бердяева. Уместно напомнить, что Бердяев, писавший вскоре после Великого Октября, видел в "покаянии" философский камень для того, чтобы повернуть колесо истории вспять. Не дождался. Теперь Солженицын принял эстафету» [52, с. 216–217].

Образ эстафеты, конечно, гораздо более точен, чем глупость о «плагиате». Солженицын принимает веховскую традицию, основные идеи Бердяева, в частности концепцию «нового средневековья» и поднимает их на новую высоту, очищает от левацкого уклона, характерного для бывших марксистов, от тоталитарных симпатий и протофашистского романтизма начала двадцатых. Солженицынская интерпретация этих идей исключает их использование для оправдания коммунизма и тоталитаризма.

Вслед за философом-веховцем, Солженицын провозглашает тезис о новой эпохе, наступающей вслед за эпохой автономного от Бога гуманизма и антропоцентризма. Причем если пророчить закат модерна в начале 1920-х было чем-то само собой разумеющимся, то решиться противопоставить себя «новому времени» и Западу как воплощению этого духа («Я не противник Запада, но я противник обезличивающей современности» [29, с. 46]) в 1970-х требовалось изрядное мужество и пророческое предвидение.

В основе историософии Солженицына лежит представление об «Орбитальном пути» – отпадении человека от высот Духа в Материю, возникшем как реакция на чрезмерную и насильственную духовную напряженность средневековья. В этой историософии невозможно не узнать хорошо продуманных и отредактированных тезисов бердяевского «Смысла истории».

> «Мы – все мы, всё цивилизованное человечество, – посаженные на одну и ту же жёстко связанную карусель, совершили долгий орбитальный путь. Как детишкам на карусельных конях, он казался нам нескончаемым – и всё вперед, всё вперед, нисколько не вбок, не вкривь. Этот орбитальный путь был: Возрождение – Ре-

формация – Просвещение – физические кровопролитные революции – демократические общества – социалистические попытки. Этот путь не мог не совершиться, коль скоро Средние Века когда-то не удержали человечества, оттого что построение Царства Божьего на Земле внедрялось насильственно, с отобранием существенных прав личности в пользу Целого. Нас тянули, гнали в Дух – насилием, и мы рванули, нырнули в Материю, тоже неограниченно. Так началась долгая эпоха гуманистического индивидуализма, так начала строиться цивилизация на принципе: человек – мера всех вещей, и человек превыше всего» [8, с. 196].

В «Гарвардской речи» и других программных религиозно-философских выступлениях писателя-мыслителя мы порой слышим голос Бердяева:

«Остаётся искать ошибку в самом корне, в основе мышления Нового Времени. Я имею в виду то господствующее на Западе миросознание, которое родилось в Возрождение, а в политические формы отлилось с эпохи Просвещения, легло в основу всех государственных и общественных наук и может быть названо рационалистическим гуманизмом либо гуманистической автономностью – провозглашённой и проводимой автономностью человека от всякой высшей над ним силы. Либо, иначе, антропоцентризмом – представлением о человеке как о центре существующего.

Сам по себе поворот Возрождения был, очевидно, исторически неизбежен: Средние Века исчерпали себя, стали невыносимы деспотическим подавлением физической природы человека в пользу духовной. Но и мы отринулись из Духа в Материю – несоразмерно, непомерно. Гуманистическое сознание, заявившее себя нашим руководителем, не признало в человеке внутреннего зла, не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями. За пределами физического благополучия и накопления материальных благ все другие, более тонкие и высокие, особенности и потребности человека остались вне внимания государственных устройств и социальных систем, как если бы человек не имел более высокого смысла жизни. Так и оставлены были сквозняки для зла, которые сегодня и продувают свободно. Сама по себе обнажённая свобода никак не решает всех проблем человеческого существования, а во множестве ставит новые» [7, с. 324].

Так называемая реакция может являться и зачастую является единственным подлинным духовным прогрессом, и напротив – прогрессизм может быть истинно реакционен. «Гуманистическая идеология в наши дни есть “отсталая” и “реакционная” идеология», – пишет Бердяев в «Новом средневековье» и указывает на духовную прогрессивность «реакционного» консервативного поворота после Французской революции: «Ж. де Местр, романтическое движение начала XIX века были реакцией против французской революции и просвещения XVIII века, но это было творческим движением вперед, оплодотворившим всю мысль последующего века… В наше время «реакционным» нужно признать возврат к тем началам новой истории, которые восторжествовали окончательно в обществе XIX века и ныне разлагаются. Призыв задержаться на началах новой истории и есть «реакция» в глубочайшем смысле слова, помеха на путях творческого движения» [1, с. 223–224]. «Держаться сегодня за окостеневшие формулы Просвещения – ретроградство», – говорит Солженицын в «Гарвардской речи» [7, с. 327], которая сама обозначила «деместровский» консервативный разворот человеческой мысли после революции Российской.

Бердяев говорит о поздней античности: «Творческое движение вперед, революция духа того времени вели к “мраку средневековья”. Не последние граждане, не последние

писатели и философы античного мира, а отцы и учителя Церкви были людьми подлинного движения духа» [1, с. 223]. «Если и суждены нам революции спасительные, то они должны быть революциями *нравственными*, то есть неким новым феноменом, который нам предстоит ещё открыть, разглядеть и осуществить», – подчеркивает Солженицын в 1974 году [8, с. 198].

> «Поворот к развитию внутреннему, перевес внутреннего над внешним, если он произойдёт, будет великий поворот человечества, сравнимый с поворотом от Средних Веков к Возрождению. Изменится не только направление интересов и деятельности людей, но и самый характер человеческого существа (от духовной разбросанности к духовной сосредоточенности), тем более – характер человеческих обществ. Если процессу этому суждено где-то пройти революционно, то революции эти будут не прежние – физические, кровопролитные и никогда не благодатные, но революции нравственные, где нужны и отвага и жертва, но не жестокость, – некий новый феномен человеческой истории, ещё неизвестный, ещё никем не провидимый в чётких ясных формах» [3, с. 144–145].

Оба мыслителя видят в нашей эпохе признаки грандиозного духовного поворота, от «модерна» и гуманизма к восстановлению духовной, теоцентрической ориентации Средневековья, которое, однако, пополнится опытом нового времени – уважением к свободе человеческой личности.

> «Совсем не реакционно возвращение к средневековым началам, к вечному в них, к вечному в прошлом. К слишком временному и тленному в прошлом нельзя вернуться, но можно вернуться к вечному в прошлом… – подчеркивает Бердяев. – Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата, и есть мир новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гуманизмом… Гуманистическое самоутверждение было существенным моментом в судьбах человеческого духа, и опыт, пережитый в нем, не пропадет даром, обогатит человека… В новое средневековье войдет опыт свободы, пережитый в новой истории, и все положительные завоевания совести и большая утонченность души. После опыта новой истории невозможно вернуться к старому средневековью, возможно лишь новое средневековье…» [1, с. 224–225].

И далее:

> «Переход возможен лишь к новому, а не старому средневековью. И этот переход должен быть признан революцией духа и творческим движением вперед, а не “реакцией”, как мерещится напуганным и вырождающимся “прогрессистам”… В сущности, средневековая культура была уже возрождением, борьбой с тем варварством и тьмой, которые наступили после падения античной культуры. Христианство и было великой силой просветления тьмы, претворения хаоса в космос… возврат к средневековью есть возврат к более высокому религиозному типу. Нам далеко еще до вершин средневековой духовной культуры» [1, с. 239–240].

Солженицын видит как бы два возможных «новых средневековья». Одно – негативное, от былого духовного насилия, через свободу (или ее призрак), к новому духовному насилию. Другое – творческое, выводящее на новую орбиту – от принудительного царства Духа, через ниспадения в Материю, к ненасильственному, свободному царству Духа:

> «Из власти насилия вырвались мы и во власть насилия вернулись – ещё не все пока, но скоро грозит и всем, при общей болезни ослабнувшей воли и потерянной перспективе. Орбита грозит унизительно замкнуться. Как нам видится,

> цивилизованное человечество подошло сейчас к повороту мировой истории (жизни, быта и миропонимания), по значению такому же, как от Средних Веков к Новому Времени, – если только по беспечности и по упадку духа мы не пропустим этого поворота… на орбиту более высокого уровня, на которой мы научимся соблюдать достойную гармонию между нашей природой физической и природой духовной. Найдём в себе душевную высоту заново открыть, что человек – не венец вселенной, а есть над ним – Высший Дух» [8, с. 198].

О том же в «Гарвардской речи»:

> «Есть катастрофа, которая наступила уже изрядно: это – катастрофа гуманистического автономного безрелигиозного сознания. Мерою всех вещей на Земле оно поставило человека – несовершенного человека, никогда не свободного от самолюбия, корыстолюбия, зависти, тщеславия и десятков других пороков. И вот ошибки, не оценённые в начале пути, теперь мстят за себя. Путь, пройденный от Возрождения, обогатил нас опытом, но мы утеряли то Целое, Высшее, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности. Слишком много надежд мы отдали политико-социальным преобразованиям… Если не к гибели, то мир подошёл сейчас к повороту истории, по значению равному повороту от Средних Веков к Возрождению, – и потребует от нас духовной вспышки, подъёма на новую высоту обзора, на новый уровень жизни, где не будет, как в Средние Века, предана проклятью наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее время, растоптана наша духовная» [7, с. 327–328].

Сущность новой эпохи и Бердяев, и Солженицын видят в том, чтобы на место автономного гуманизма, делающего человека высшим началом истории и жизни, возвратился теоцентризм, но не в виде внешней принудительной гетерономии, а как глубинный исток внутренней автономии: «Я ни в чем уже не хочу свободы от Бога, я хочу свободы в Боге и для Бога» [1, с. 241–242].

Для Солженицына, в противоположность Бердяеву, характерен определенный теологический объективизм. Он обращается к классическому провиденциализму, указывает на то, что мир пронизан заботливым попечением Божьим.

> «Вся наша земная жизнь есть лишь промежуточная ступень развития к высшей – и с этой ступени не надо сорваться, не надо и протоптаться бесплодно. Одни материальные законы – не объясняют нашу жизнь и не открывают ей пути. Из законов физики и физиологии нам никогда не откроется то несомненное, как Творец постоянно и ежедневно участвует в жизни каждого из нас, неизменно добавляя нам энергии бытия, а когда эта помощь оставляет нас – мы умираем. И с не меньшим же участием Он содействует жизни всей планеты – это надо почувствовать в наш тёмный, страшный момент» [9, с. 455–456].

Он указывает на логическую противоречивость понятия прогресса: «не может происходить безграничный Прогресс в ограниченной земной среде» [10, с. 603] – и предлагает своего рода одухотворенное понимание прогресса, альтернативное чисто материалистическому: «Прогресс? истинно может быть только один: сумма духовных прогрессов отдельных людей. Степень самоусовершенствования их на жизненном пути» [10, с. 612].

Решающим фактом, делающим для Солженицына бессмысленным всякий чисто материальный прогресс и поиск счастья является смерть:

> «Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рождён только для счастья, – он не был бы рождён и для смерти. Но оттого, что он телесно обречён смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлёб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом весёлого проживания их, но

несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения: покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал её» [7, с. 327].

Доктрина Просвещения базировалась либо на локковском принципе взаимного ограничения индивидами друг друга, а там, где ограничения со стороны другого нет, – безгранична свобода – это давало либеральный извод просвещенчества и доктрину прав человека, либо на руссоистском принципе слияния индивидов в сверхсубъекта, неограниченного коллективного суверена, – это давало радикальный извод просвещенчества и якобинско-большевистские практики. Этим интерпретациям идеи свободы Солженицын противопоставляет принцип *самоограничения*.

«Мысль об общественном самоограничении – не нова. Вот мы находим её столетие назад у таких последовательных христиан, как русские старообрядцы. В их журнале «Истина» (Йоганисбург, 1867, № 1) в статье К. Голубова, корреспондента Огарёва и Герцена, читаем: “Своей безнравственною борзостию подчиняется народ злостраданию. Не то есть истинное благо, которое достигается путем восстаний и отьятия: это скорее будет бесчиние развратной совести; но то есть истинное прочное благо, которое достигается *дальновидным самостеснением*” (выделено мною. – *А.С.*). И в другом месте: “Кроме самостеснения нет истинной свободы человеческой”. После западного идеала неограниченной свободы, после марксистского понятия свободы как осознанно-неизбежного ярма, – вот воистину христианское определение свободы: свобода – это *самостеснение*! самостеснение – ради других!» [3, с. 144].

Именно самоограничение в интерпретации Солженицына есть та *форма*, тот *стержень,* которые придают человеку и государству самостояние. И когда личность, и когда государство в материальных и духовных потребностях расползаются, не могут ограничить себя, это путь к их гибели и саморасточению, израсходованию всех сил.

«Самоограничение – это самое первое и самое разумное действие человека, получившего свободу. Оно есть самый верный путь осуществления свободы. Не надо ждать, когда внешние события жёстко стиснут нас и даже опрокинут, – надо уметь предусмотрительным самоограничением открывать неизбежному ходу событий примирительный путь…

При распаде СССР по фальшивым ленинским границам между республиками есть разящие примеры, как, в погоне за дутой державностью, – новорожденные образования поспешили захватить обширные, исторически и этнически чуждые себе области, и где десятки тысяч, а где и миллионы чужого населения, недальновидно не вдумываясь в будущее: что никакой захват не приводит к добру самого стяжателя…

Разрешите поделиться личным наблюдением: истинное духовное удовлетворение мы только и испытываем – не от захвата, а от отказа захватить. От самоограничения… Сегодня оно видится нам – никак не приемлемым, стеснительным, даже отвратительным, оттого что мы за века отвыкли от него, к чему были привычны по нужде наши предки: на них лежало куда больше внешних ограничений и им открывалось куда меньше возможностей. Вся первостепенная важность самоограничения, во всю весомость, только и встала перед человечеством XX века… мы только через самоограничение можем, хоть и с большим сопротивлением, постепенно, излечить и нашу экономическую жизнь, и политическую» [10, с. 610–611].

Солженицын берет бердяевскую идею «Нового средневековья» и освобождает ее от налета сумеречного романтизма и упоения «ночной эпохой». Он прошел сам через эту

ночь и увидел, что ничего хорошего в ней нет. Для него возвращение к средневековому принципу теономии, главенства духа, не фаза великого исторического цикла, а исправление сделанной ошибки, когда ради свободы индивида и материального начала, чрезмерно подавленного средневековьем во имя Духа, произошло превращение материальности и свободы как вседозволенности, свободы без Бога, в новых идолов.

Какие бы ценные дары и опыты человечество ни получило на пути Нового времени, как бы ни обогатилось, он исчерпал себя. Наступило время нового духовного поворота – назад к Духу, назад к Богу, но только сменив насильственно-принудительную духовность Средневековья на самосовестную сознательную духовность наступающей эпохи. В основе новой теономии, согласно Солженицыну, должен лежать принцип самоограничения, добровольного стеснения себя ради других и в заботе о других, распространяемый и на личность, и на экономические субъекты, и на государства и народы. Таково видение новой эпохи, своеобразным пророком которой выступает писатель.

Русская реставрация

Солженицын не ограничивается общими религиозно-философскими и этическими суждениями. Его деятельность в качестве общественного деятеля и публициста подчинена воплощению своих религиозно-философских принципов в определенный политический порядок, идеологическими доминантами которого являются национализм, изоляционизм, антиглобализм, цивилизационный суверенитет, сочетание национального авторитаризма с демократией малых пространств, подчеркнутое внимание к восстановлению церковности.

Подобно тому, как он предвидит «новое средневековье» в ходе мировых эпох, он неустанно строит и «новый старый порядок» России – раскаявшийся в грехах прежнего, набравшийся нового опыта в трагических перипетиях нового и новейшего времени, но внутренне исторически органичный, в противоположность противоестественной коммунистической эпохе.

Солженицын все время отыскивает для новой посткоммунистической России примеры ее прошлого, в котором она могла бы утвердиться, не пытаясь, к примеру, «учиться рыночной экономике» у Запада: «Россия дореволюционная была полна деловой инициативы, свободы выбора деятельности и занятий. У нас цвела торговля, цвела промышленность… Русское купечество существовало уже в XVI веке… Те купцы торговали с Китаем, и с Дальним Востоком, и на Аляске они были…» [17, с. 427–428].

В этом особом внимании Солженицына к купцам и предпринимателям рельефно обозначается еще одна черта его мировоззрения – оно в своей основе городское, «бюргерское». Солженицын почвенник, но не деревенщик. Он ассоциирует себя с дореволюционными городскими сословиями – предпринимателями, инженерами, купцами, мастеровыми, с тем небольшим численно, но разнообразным и творческим миром, который был полностью смыт революционным террором и слободизацией советского города, превращением его в пространство существования наскоро урбанизированных крестьян.

От этого «бюргерского» самосознания ряд характерных черт, которые так бросаются в глаза и сбивают с толку тех, кто мыслил русских исключительно в дворяно-крестьянской аграрной парадигме. «Солженицын – наш славянофил. Между тем он с головы до ног – немец; он Штольц среди Обломовых. Точность распорядка по минутам; работа, работа, работа; цель, цель, цель; расчет, расчет, расчет…» – рассуждала в дневниках Лидия Чуковская и заключала «во всем этом ничего русского» [50].

Солженицын кажется похожим на Яна Гуса, Мартина Лютера, протопопа Аввакума, в нем есть обостренное личностное принципиальное самосознание, аскетизм,

культ честности и напряженная саморефлексия, он испытывает горячую привязанность к старообрядчеству как к лучшей части русского народа и симпатизирует протестантам в их суровой рациональной вере, но не Реформации как разрушительному этапу «орбитального пути».

На деле Солженицын не «немец» и не «протестант». Он своеобразный пример того, каким путем могло бы пойти бюргерское сознание Европы, если бы оно исповедовало те же социально-интеллектуальные принципы, но не покусилось на подрыв основ христианской догматики и социального порядка, какой могла бы быть «ортодоксальная буржуазность» в противоположность реформационно-революционной буржуазности Модерна.

Он последовательный носитель старорусского городского сознания. Его миссия – перекинуть мост от новых горожан к старым. Вадим Цымбурский не случайно назвал Солженицына голосом русской Контрреформации «стремящейся вернуть дореформационные ценности новому горожанину, созданному большевистскими десятилетиями» [49, с. 483].

При этом в подходе к русской истории для Солженицына характерна историософия национального успеха, которая была нормой в эпоху Карамзина, Пушкина и Уварова, сменившись после Крымской войны самобичеванием – и либеральным, и революционным, и даже славянофильским (в последнем случае историческая неудача России объяснялась западническим псевдоморфозом). Лишь у единичных мыслителей XX века, подобных Ивану Ильину и Ивану Солоневичу, ощущается эта историософия успеха, доминирующая и у Солженицына, несмотря на ожесточенную критику им и вредоносных церковных реформ и имперской политики бессмысленной истраты русских сил на поддержание европейского равновесия (последнюю он ядовито характеризует меткой пословицей: «*Тётушка Федосевна до чужих милосердна, а дома не евши сидят*»).

> «Мы были чрезвычайно самостоятельным, инициативным народом. И когда у нас перемежались самозванцы, бояре сбежали – кто к самозванцам, кто к полякам, царей не осталось, поляки пришли, заняли Москву, Россия была абсолютно обезглавлена и по ней шёл хаос и разбой, – в России нашлись оздоровляющие, самоспасительные силы. В это время отдельные посёлки, отдельные маленькие городишки стали слать гонцов друг к другу, сносились, объединялись, начали создавать движение спасения России, создали ополчение, нашли для него деньги, нашли полководца, тут было наше Поморье – самая свободная часть России, гордость наша, не случайно Ломоносов оттуда. И освободили Россию, и установили настоящее крепкое государство. Мы сделали это сами. В это время и первые цари наши – Михаил Фёдорович, Алексей Михайлович – о-о-о, как они считались с Земскими соборами. Земские соборы влияли, влияли решительно на всю государственную политику… Сибирь мы взяли одним богатырским движением, там война была только с татарским царством на Иртыше, а потом и войны не было. Шло могучее – не так, как громили и сжигали индейцев в Америке, – могучее освоение Сибири, и Аляски, и северной Калифорнии, и всё это за одно столетие. И почитайте историю Сибири, даже советскую, 5-томную, почитайте, какие, уже к концу XVIII века, были в Сибири учебные заведения, какие направления развивались, как учили людей. Гигантские, гигантские подвиги» [16, с. 411].

Понимание русской истории как национального успеха, как величественного деяния, плода народной самоорганизации, инициативы, творчества, которые чрезвычайно важно сберечь, не истратить попусту на то, что завтра рухнет и исчезнет или будет присвоено другими, проходит сквозным мотивом сквозь все солженицынские выступления.

Однако в XX веке Россия запутывается в сетях революционной западнической утопии, установившей жесточайшую диктатуру и пустившей народные силы под нож. Россия перестала принадлежать русским.

> «До 1917, уже несколько веков, казалось естественно принятым, что Россия – это государство русское. Даже при разнонациональности имперского аппарата (значительной прослойки немецкой и немецко-балтийской, да и других) – без оговорок понималось и принималось, что государство держится и ведётся русским племенем. Но уже от Февраля это понимание стало расплываться, а под раскалённым ленинским катком – русский народ уже и навеки потерял основания считать Российское государство своим – но Чудищем на службе III Интернационала. Ленин и его окружение неоднократно заявляли и осуществляли: развивать и укреплять государство за счёт подавления великоросского этноса и использования ресурсов срединно-российских для укрепления и развития окраинных национальных республик. А в области идеологии и культуры это сказалось ещё разительней: в 20-е годы произошёл прямой разгром русской культуры и русской гуманитарной науки. С тех пор-то и разделились судьбы: нового государства – и русского народа» [12, с. 149][1].

Фактически, русские оказались без места в мироустройстве XX века. Нам достались в удел историческое сиротство и геополитическая беспочвенность. Это существование «без опоры на свою территорию» – состояние, которое Солженицын острее всего переживает в изгнании, о чем свидетельствуют его записи 1980-х, собранные в книгу «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», в которых он осмысляет свою историческую миссию как писателя и общественного деятеля.

> «Зубы русоненавистников уже сейчас рвут русское имя. А что же будет потом, когда в слабости и немощи мы будем вылезать из-под развалин осатанелой большевицкой империи? Ведь нам не дадут и приподняться…
>
> Постепенно с годами выяснился истинный смысл моего нового положения и моя новая задача. Эта задача: отстояние неискаженной русской истории и путей русского будущего. К извечным врагам большевикам прибавляется теперь и враждебная восточная и западная образованщина, да кажется – и круги помогущественней…
>
> Распалил я бой на главном фронте – а за спиной открылся какой-то Новый? Сумасшедшая трудность позиции: нельзя стать союзником коммунистов, палачей нашей страны, но и нельзя стать союзником врагов нашей страны. И всё время без опоры на свою территорию. Свет велик, а деться некуда. Два жорна» [37, с. 137].

Его стратегия в этой сумасшедше трудной позиции – воссоздать свою территорию, «выдумать» Россию – ее границы, устройство, политику, экономику, идеологию, ее место в мире и мир вокруг нее, даже географию. «Той России, которой служит, которую от “хулителей” защищает и к которой обращается Солженицын, – …России этой *нет* и никогда не было. Он ее выдумывает, в сущности, именно *творит*. И творит “по своему образу и подобию”, сопряжением своего огромного творческого дара и… гордыни» – писал о Солженицыне протоиерей Александр Шмеман [51, с. 488].

Однако «выдуманная» Россия в солженицынском случае не значит «несуществующая». Напротив – изобретаемая, конструируемая, реставрируемая Солженицыным Россия с каждым днем всё более становится реальностью. Для этого ее приходится выцеплять,

[1] Интересно, что этого абзаца нет ни в первоначальной публикации этой статьи в «Новом мире», ни в вышедшем в 1995 году трехтомнике публицистики. Очевидно, он был дописан (или восстановлен?) писателем для последующих изданий этой статьи.

буквально по частям и фрагментам, и из кровавых костей под Красным Колесом, и из липких объятий западнического либерализма. Русскому колобку надлежало уйти и от красного Волка и от западной Лисы. И если это начинает удаваться, то во многом это стало заслугой Солженицына как политика с его парадоксальной стратегией воздействия на общественное сознание по обе стороны линии фронта в холодной войне.

Дивергент. Солженицын против Сахарова

Солженицын, несомненно, был политиком – по крайней мере последние сорок лет своей жизни. Политик – это тот, кто использует ресурс своего влияния на других людей, для изменения их мировоззрения и политического поведения, для влияния на те или иные политические решения. Парадоксальность поведения Солженицына-политика в том, что в 1970–1980-х годах он ведет войну не столько с коммунизмом, сколько с идеей *конвергенции* советской и западной систем и с политикой разрядки. Писатель, по сути, выступает как своего рода «ястреб холодной войны», которую благодушные политики в советском Политбюро, американской администрации и европейских столицах стремились по возможности погасить, добившись «мирного сосуществования».

Это примирение систем для Солженицына совершенно неприемлемо, он всеми силами пытается его предотвратить. Это связано с тем, что в представлении Солженицына советский коммунизм и западный либерализм – идеологические братья, два крыла единой просвещенческой доктрины и утопии. «Коммунизм – двоюродный брат радикал-либерального гуманизма Запада. Они из одного безбожного Просвещения XVIII века истекли» [28, с. 422].

Слияние двух версий просвещенческого проекта – коммунистической и западной-либеральной – означало бы абсолютное торжество Просвещения над силами традиции, Христианством, вообще религиозным, спиритуалистическим мировоззрением. То есть безоговорочной победой того пути развития человечества, который представлялся Солженицыну абсолютно неприемлемым и ведшим к невозвратному растворению России и русских в «новом времени».

Чтобы понять, о чем идет речь, обратимся к ситуации рубежа 1960–1970-х годов. Для тогдашнего наблюдателя представлялось несомненным, что ключевым понятием эпохи является «конвергенция». Демократический Запад и коммунистический Восток стремительно сближаются, и им предстоит полное слияние.

На Западе чрезвычайно сильно левое движение. Левые партии, а в еще большей степени – левые идеи определяют политику значительной части западных стран. В США Линдон Джонсон осуществляет программу «великого общества» и стремительно упраздняет расовую сегрегацию. В Британии почти все время правят лейбористы (впрочем, и консерваторы той эпохи от них не сильно отличаются). Во Франции генерал де Голль не только убежден в необходимости дружбы с СССР, но и навязывает предпринимателям систему участия рабочих в прибылях. В Германии восточная политика Вилли Брандта кладет конец яростному противостоянию ФРГ и ГДР. Молодежная революция 1968 года, хотя и терпит поражение, но сдвигает парадигму общественного сознания.

В СССР и сателлитах, объявленных «Востоком», – другого рода революция, социально-психологическая. Отмеченная Солженицыным в «Образованщине» корыстная буржуазность проникает во все поры советского общества, размещаясь в пространстве, созданном массовым жилищным строительством. Если СССР находится в конфронтации, а порой и воюет с Западом, то советский человек хочет быть частью Запада во всем – в моде, музыке, книгах, идеях, стандарте и образе жизни. Потребительство становится основой образа жизни, и главная претензия к советской власти не в том, что она подавляет

свободу, преследует веру, душит мысль, эксплуатирует и разоряет, а в том, что она не может обеспечить жизнь в соответствии со стандартами потребления – импортного или интегрированного в Запад, как «фиат», ставший «жигулями». «Пражская весна» 1968 года такая же подавленная революция, как и «парижская весна», но она тоже воспринимается как долгосрочный сдвиг парадигмы – обозначает полную потерю веры в коммунистическую идеологию.

Развитие этой ситуации могло идти, казалось, только по одному сценарию. «Разрядка», постепенное угашение вражды и стирание границ между Западом и Востоком, где на одном конце соединяющего моста европейский сытый полусоциализм, на другом – советская голодная полубуржуазность. И та и другая сторона, конечно, должны были вытеснить «радикальные» элементы – сталинистов и маоистов, настроенных на классовую борьбу до конца, и правых, – реакционеров, националистов, христиан, не приемлющих коммунизм именно как радикальный секуляризм и безнациональность.

В итоге предстояло вливание Советского Союза в Запад в качестве полупериферии с существенной геополитической автономией, консолидация всех версий просвещенческого исторического проекта и наступление еврокоммунистического, социалистического и либерал-реформистского «конца истории». Именно так представлял себе сценарий грядущего один из героев этой эпохи – академик Андрей Сахаров в своих «Размышлениях о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

> «1-й этап… нарастающая идейная борьба между сталинистскими и маоистскими силами, с одной стороны, и реалистическими силами левых коммунистов-ленинцев и «левых западников», с другой стороны, приводит… к утверждению курса на углубление мирного сосуществования, укрепление демократии и расширение экономической реформы (1968–1980 гг.).
>
> 2-й этап. В США и других капиталистических странах настоятельные жизненные требования <…> приводят к победе левого, реформистского крыла буржуазии, которое в своей деятельности усваивает программу сближения («конвергенции») с социализмом… Эта программа включает сильное увеличение роли интеллигенции и атаку на силы расизма и милитаризма (1972–1985 гг.).
>
> 3-й этап. СССР и США, преодолев разобщенность, решают проблему спасения более «бедной» половины земного шара… Строятся гигантские фабрики минеральных удобрений и системы орошения, работающие на атомной энергии… Одновременно происходит разоружение (1972–1990 гг.).
>
> 4-й этап. Социалистическая конвергенция приводит к сглаживанию различий социальных структур… к созданию мирового правительства и сглаживанию национальных противоречий (1968–2000 гг.)» [43].

Картина консолидированного на общей просвещенческой платформе коммуно-либерального мира, в котором не остается места для наций и народной самобытности, красные атеисты остаются хозяевами судеб русского народа, но к ним еще прибавляется власть, как выразился Сахаров, «очень “интеллигентного” общемирового руководства», – всё это настолько категорически неприемлемо для Солженицына, что он бросается в бой. Именно «проект Сахарова» впервые заставляет его взяться за перо политико-идеологического публициста.

Для Солженицына неприемлемо как врастание Запада в коммунизм, ведущее к снисходительности к репрессивной тоталитарной природе советского режима, но и врастание СССР в Запад через усвоение «материалистических» потребительских установок. Одна из последних глав «Ракового корпуса» – своеобразная манифестация этого антипотребительского мировоззрения, переданная через растерянность и раздражение Костоглодова в универмаге при покупке «облегчённого утюга». Почти нищенский ассортимент ташкентского универмага показан как чудовищное, ненужное изобилие, как абсурдное нагромождение

излишних вещей, а случайно подслушанное упоминание «пятидесятого номера с тридцать девятым воротничком» приводит героя почти в ярость.

Главным духовным оппонентом для Солженицына является не коммунистический строй, взятый сам по себе, и не либеральный Запад, а то, что их объединяет, – общий проект устроения человеческой жизни без Бога, общее предпочтение материальному перед духом. А одной из серьезнейших опасностей оказывается угроза *консолидации* обеих версий просвещенческого проекта на единой платформе. Такая консолидация привела бы к неодолимому усилению просвещенческого миропорядка и сложению отрицательных сторон обеих просвещенческих «школ».

Статья «На возврате дыхания и сознания», заглавная в «Из-под глыб», написанная в 1969-м и дополненная в 1973-м, – это полемика против сахаровского проекта конвергенции. Никакого конфликта сталинистов и ленинцев быть не может, подчеркивает Солженицын, потому что сталинизм это и есть осуществленный ленинизм. Социализм как идеология революции ни с какой моралью и ненасилием не совместим, и потому мирного сосуществования не получится.

Сахаровскому глобализму Солженицын последовательно противопоставляет национализм: «Вперерез марксизму явил нам XX век неистощимую силу и жизненность национальных чувств и склоняет нас глубже задуматься над загадкой: почему человечество так отчётливо квантуется нациями не в меньшей степени, чем личностями? И в этом граненьи на нации – не одно ль из лучших богатств человечества? И надо ли это стирать? И – можно ли это стереть?» [2, с. 19]. О том же в Нобелевской лекции: «Исчезновение наций обеднило бы нас не меньше, чем если бы все люди уподобились, в один характер, в одно лицо. Нации – это богатство человечества, это обобщенные личности его» [5, с. 16].

Именно национальное начало (и в этом его категорическое несогласие с Бердяевым) составляет нерв солженицынской философии истории.

> «До сих пор вся человеческая история протекала в форме племенных и национальных историй, и любое крупное историческое движение начиналось в национальных рамках, а ни одно – на языке эсперанто. Нация, как и семья, есть природная непридуманная ассоциация людей с врожденной взаимной расположенностью членов…» [4, с. 246].

Нация конечна, она имеет границы, имеет интересы, имеет лицо. Человечество не может и не должно сливаться в одну нацию. Национальное начало, в отличие от глобалистского или имперского, – это начало одновременно *самостояния* и *самоограничения*. Обращение к национальному восстановит утраченную и лишенную пространства-времени Россию, сахаровская «конвергенция» ее убьет навсегда.

«В решении нравственных задач человечества перспектива конвергенции довольно безотрадна: два страдающих пороками общества, постепенно сближаясь и превращаясь одно в другое, что могут дать? общество, безнравственное вперекрест» [2, с. 20]. Конвергенция даст не взаимное переятие достоинств, но удвоение недостатков обоих типов общества. Недостатков, коренящихся в их общей основе – просвещенческой доктрине, а значит прежде всего в атеизме.

Солженицын отлично понимает, что на самом деле хочет сказать Сахаров, когда рассуждает о том, что глобалистская конвергенция должна породить мировое правительство, которое будет представлять собой «очень интеллигентное мировое руководство». И именно эта программа перехода через «социалистическую демократию» и просто «демократию» к авторитаризму просвещенческих «орденов» вынуждает его обозначить прямо противоположную программу: выход из коммунизма через национальный авторитаризм близкий к почве, к земле, к дыханию исторической традиции.

В продолжение полемики с Сахаровым в 1973 году Солженицын затачивает свои критические стрелы именно против «демократической» утопии диссидентов-западников. «Внешняя свобода сама по себе – может ли быть целью сознательно живущих существ? Или она – только форма для осуществления других, высших задач?» [2, с. 24]. «В настойчивых поисках политической свободы… хорошо бы представить, что с этой свободой делать. Такую свободу мы получили в 1917 году (и от месяца к месяцу все большую) – и как же поняли мы её? Каждому ехать с винтовкой, куда считаешь правильным. И с телеграфных столбов срезать проволоку для своих хозяйственных надобностей» [2, с. 25].

Поскольку ключевой ценностью для Солженицына является не прогресс, не потребительский достаток, не внешняя свобода, а возможность направлять душу к Богу, то его отталкивание от коммунизма логично ведет не к западнической демократии, а к той системе, которая более благоприятна для того, чтобы «отдавать Богу Божье».

«Если Россия веками привычно жила в авторитарных системах, а в демократической за 8 месяцев 1917 года потерпела такое крушение, то, может быть, – я не утверждаю это, лишь спрашиваю, – может быть, следует признать, что эволюционное развитие нашей страны от одной авторитарной формы к другой будет для неё естественней, плавнее, безболезненней?» [2, с. 27].

Принцип *самоограничения* превращается у писателя в конкретную программу обращения России внутрь, к своему Северо-Востоку, которая носит отчетливо антиглобалистский характер. В условиях, когда две глобализации – советски-коммунистическая и американски-либеральная – переплетались между собой в парадоксальном противостоянии-симбиозе, именуемом холодной войной, возникла угроза перехода их сплетения в срастание.

Солженицын предлагает России в одностороннем порядке совершить психологический и геополитический прыжок из глобализации. Здесь мы снова обнаруживаем удивительную полярность с Сахаровым, с его знаменитой формулой: «Смысл жизни – в экспансии». Для Солженицына смысл жизни как раз в отказе от экспансии и добровольном самоуглублении, освоении своего.

Отсюда вырастает как антииндустриализм Солженицына этого периода, так и его геополитическая программа, обращенная к освоению русского Северо-Востока. Он пытается устранить глобализующие факторы, которые втягивают СССР (и Россию, соответственно) во всё более тесное переплетение с Западом, то есть приближают ту самую конвергенцию. Он предпринимает попытку уговорить и русское общество, и советскую власть отказаться от соревнования, ведущего к сплетению, заняться лучше собственным домом и укреплением хозяйственных и геополитических основ своей цивилизации.

Невозможно не отметить строгую противоположность солженицынской программы обращения к Северо-Востоку как своему дому глобалистскому проекту Сахарова по совместному решению СССР и США проблем стран Третьего мира, как будто России и вправду нечего решать в собственном доме.

> «Мы – устали от этих всемирных, нам не нужных задач! Нуждаемся мы отойти от этого кипения мирового соперничества. От рекламной космической гонки, никак не нужной нам: что подбираться к оборудованию лунных деревень, когда хилеют и непригодны стали для житья деревни русские? В безумной индустриальной гонке мы стянули непомерные людские массы в противоестественные города с торопливыми нелепыми постройками, где мы отравляемся, издёргиваемся и вырождаемся уже с юных лет. Изнурение женщин вместо их равенства, заброшенность семейного воспитания, пьянство, потеря вкуса к работе, упадок школы, упадок родного языка – целые духовные пустыни плешами выедают наше бытие… А ещё ко всему, похваляясь своею передовитостью, мы рабски копировали западный технический прогресс и

> вместе с ним бездумно впоролись в кризисный тупик, угрожающий сегодня существованию всего человечества» [3, с. 147].

«Конвергентная» глобализация истощает природные силы России, затягивает ее в общезападный технологический кризис, усиливает ее денационализацию. А главное – сотрудничество-соперничество СССР и Запада увеличивает консолидацию их единой материалистической просвещенческой платформы. Солженицын хочет изменить направление движения. «Надо перестать выбегать на улицу на всякую драку, но целомудренно уйти в свой дом, пока мы в таком беспорядке и потерянности» [3, с. 148]. Он формулирует задачу русского изоляционизма: «побыть в основном наедине с собою, без соседей и гостей» [3, с. 147–148]. Вместо советской внешней экспансии, которая нас лишь глобализирует, Россия должна сосредоточиться на внутренних пустых пространствах, которые ее духовно собирают.

> «Северо-восток – тот вектор, от нас, который давно указан России для её естественного движения и развития…
>
> Северо-восток – это напоминание, что мы, Россия – северо-восток планеты, и наш океан – Ледовитый, а не Индийский, мы – не Средиземное море, не Африка, и делать нам там нечего! Наших рук, наших жертв, нашего усердия, нашей любви ждут эти неохватные пространства, безрассудно покинутые на четыре века в бесплодном вызябании…
>
> Северо-восток – ключ к решению многих якобы запутанных русских проблем… Его пространства дают нам выход из мирового технологического кризиса… Его холодные, местами мёрзлые пространства ещё далеко не готовы к земледелию, потребуют необъятных вкладов энергии – но сами же недра Северо-востока и таят эту энергию, пока мы её не разбазарили…
>
> Северо-восток – более звучания своего и глубже географии, будет означать, что Россия предпримет решительный выбор самоограничения, выбор вглубь, а не вширь, внутрь, а не вовне; всё развитие своё – национальное, общественное, воспитательное, семейное и личное развитие граждан, направит к расцвету внутреннему, а не внешнему» [3, с. 148].

Геополитическое направление «Наш океан – Ледовитый, а не Индийский» подсказывается Солженицыну его логикой «борьбы за свою территорию». Установить русских на той части суши, где наши права никем и никак не могут быть оспорены, где нам гарантировано обладание *своим*. В этом может почудиться некоторая безысходность. Россия-Золушка, которой не досталось тёплых морей, говорит «зелен виноград» и оборачивается к Северу.

Без малого полвека спустя дело выглядит иначе – климатический сдвиг делает из русского Северо-Востока привилегированное пространство – открывающееся для жизни, ломящееся от природных ресурсов, как осенняя кладовая в урожайный год, и практически не освоенное. Ледовитый океан прямо на глазах сравнивается в судоходности с Индийским, в свете чего геополитикам американских ВМС срочно приходится пересматривать маккиндеровскую концепцию «оси мировой истории», построенную на том, что русский «Хартленд» – это навсегда запертое льдами бессточное пространство, а не развернутое к открытым океанам самое протяженное в мире побережье.

Исход к Северо-Востоку, наряду с обращением к «сбережению народа», отказом от коммунистической идеологии и переходом к национальному авторитаризму становится ключевым тезисом «Письма вождям Советского Союза». Это дерзкая попытка сыграть на «антисахаровской» площадке – вместо глобализирующей конвергенции «разрядки» предложить советскому руководству программу дивергенции, деглобализации Советского Союза во имя интересов русского народа.

С кем мы русские? «Письмо вождям»

Настоящим шоком для многих в «образованческой» среде было то, что Солженицын заговорил о правах и самоуважении русской нации. Разумеется, в русоцентризме для той эпохи не было ничего нового, с 1965 года, с манифеста Корина, Коненкова, и Леонова «Берегите святыню нашу» шло русское этническое возрождение (скромный солженицынский вклад в легальные его формы – рассказ «Захар Калита», возможно, только потому и пробившийся в печать, что попадал в логику кампании по сохранению наследия).

Однако этот русоцентризм безошибочно связывался интеллигентским революционным правосознанием с политикой новых «душителей» – они «выпячивают “народные основы”, церковки, деревню, землю» для того, чтобы поносить Запад как «псевдоним всякого свободного веяния в нашей стране» [36, с. 251]. Солженицын внезапно для себя обнаружил, что в споре о русском он не на стороне «либерально искренно-атеистического» «Нового мира», а, пожалуй что, во многом согласен с «мычанием» комсомольцев из «Молодой гвардии» (превратившейся в те годы в боевой орган «русской партии в КПСС»).

Впрочем, сам Солженицын путями полуразрешенного коммунистами русского патриотизма никогда не ходил. Напротив, он, по сути, разрывает сменовеховский «контракт» между советской властью и национальной интеллигенцией, предполагавший принятие большевизма, коммунизма как формы русской национальной истории и государственности. Скрепленный сталинскими тостами и фильмами и подтвержденный велеречивостью бердяевских «Истоков и смысла русского коммунизма», этот контракт привел к тому, что коммунизм подмял под себя права на русское. А с другой стороны, именно русское было объявлено самым темным, самым гнетущим, самым убийственным в коммунизме

Солженицын разрывает этот подписанный кровью составителей национал-большевистский контракт с властью: «С вами мы не русские!» – обухом в «Архипелаге». Однако этим дело не ограничилось. Писатель осмеливается от имени нации предложить своеобразное перезаключение контракта. С вами мы не русские, но у вас еще есть возможность быть русскими с нами – именно таков смысл предуведомления в «Письме вождям».

> «Преимущественно озабочен я судьбой именно русского и украинского народов, по пословице – где уродился, там и пригодился, а глубже тоже – из-за несравненных страданий, перенесённых нами. И это письмо я пишу в *предположении*, что такой же преимущественной заботе подчинены и вы, что вы не чужды своему происхождению, отцам, дедам, прадедам и родным просторам, что вы – не безнациональны» [6, с. 149].

В условиях, когда русская нация демонтирована, Солженицын берет на себя головокружительную смелость не просто говорить от ее имени, по сути – быть ею единолично и предложить новый договор нации и власти. Власть отказывается от коммунизма, от колхозов, от индустриальной гигантомании и растраты национальных ресурсов, от экспорта революции и глобализации через холодную войну. Сосредоточиться следует на внутреннем развитии – на восстановлении измочаленной деревни, на сбережении малых городов, на избавлении народа от духовной оплеванности, на внутреннем развитии в главном направлении – на Северо-Восток.

> «Русская надежда на выигрыш времени и выигрыш спасения: на наших широченных северовосточных земельных просторах, по нашей же неповоротливости четырёх веков ещё не обезображенных нашими ошибками, мы можем заново строить не безумную пожирающую цивилизацию “прогресса”, нет – безболезненно ставить сразу стабильную экономику и соответственно её требованиям и принципам селить там впервые людей. Эти пространства дают нам надежду не погубить Россию в кризисе западной

> цивилизации. (А по колхозному забросу много потерянных земель и ближе есть.)» [6, с. 163]

Главное, что предложено от имени русских «вождям» в обмен на декоммунизацию – возможность сохранения власти.

> «Из русской истории стал я противником всяких вообще революций и вооружённых потрясений, значит, и в будущем тоже: и тех, которых вы жаждете (не у нас), и тех, которых вы опасаетесь (у нас). Изучением я убедился, что массовые кровавые революции всегда губительны для народов, среди которых они происходят…» [6, с. 180–181].
>
> «За последние полвека подготовленность России к демократии, к многопартийной парламентской системе, могла ещё только снизиться. Пожалуй, внезапное введение её сейчас было бы лишь новым горевым повторением 1917 г. …» [6, с. 180–181].

Тоталитарный режим вполне может преобразовать себя в авторитарный, и в том не будет ничего дурного.

> «И тысячу лет жила Россия с авторитарным строем – и к началу XX века ещё весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа? Однако, выполнялось там важное условие: тот авторитарный строй имел, пусть исходно, первоначально, сильное нравственное основание – не идеологию всеобщего насилия, а православие, да древнее, семивековое православие Сергия Радонежского и Нила Сорского, ещё не издёрганное Никоном, не оказёненное Петром.
>
> Всё зависит от того, какой авторитарный строй ожидает нас и дальше? Невыносима не сама авторитарность, но – навязываемая повседневная идеологическая ложь. Невыносима не столько авторитарность – невыносимы произвол и беззаконие, непроходимое беззаконие…» [6, с. 181]

По сути, Солженицын переоткрывает уваровскую триаду в своеобразном диалектическом движении: обратившись к народности и укрепившись православием, даже дикая коммунистическая власть может обернуться русским самодержавием, если будет покоиться на надлежащем нравственном основании и откажется от тотального насилия и лжи. Переобосновав себя на национальном принципе, покончив со своей национальной отчужденностью, советская власть может продолжить быть властью.

В конечном счете «руководить нашей страной должны соображения внутреннего, нравственного, здорового развития народа, освобождения женщины от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправления школы, детского воспитания, спасения почвы, вод, всей русской природы, восстановления здоровых городов, освоения Северо-Востока…» [6, с. 183].

Состояние, в котором было написано письмо, Солженицын сам позднее определяет как «протрезвление»: «Я интуитивно, на ощупь, сам для себя внезапно и ни под чьим влиянием, в одинокий день в Рождестве-на-Истье, протрезвился до “Письма вождям”. В лагерное время мы только и мечтали о революции в нашей стране, и потом долгие годы по инерции я оставался в том же чувстве, – а вот открылось мне, что спасение наше – только в эволюции режима, иначе всё у нас разрушится доконечно» [37, с. 137].

Разумеется, не Солженицын первый размечтался о такой эволюции. Однако он первый не дал за это аванса, отказался признавать ее до того как она изменится и тем самым свернул с проторенной дороги сменовеховцев, евразийцев, Шульгина и многих других. Солженицын предложил власти предельно консервативную программу – без всяких революций, без нового тура потрясений, России вновь стать Россией, обратиться на себя, вырваться из смертельной ловушки войны-конвергенции с либеральным Западом, которая грозит общим крахом при исчерпании мировых ресурсов.

Солженицын пугает советских вождей Китаем и предлагает оставить коммунизм китайцам. Но в итоге практически по солженицынскому пути трансформации коммунистического режима в национальную автократию с высокой степенью экономической свободы и определенной свободой идеологической и умственной пошел как раз постмаоистский Китай. А с советскими вождями что случилось, то случилось.

Интересно отметить, что если идеологическая часть предложений Солженицына была для «вождей» безусловно неприемлема, то некоторые из направлений национального развития либо ими перехвачены, либо самим Солженицыным верно предугаданы. Сверимся с хронологией. Сентябрь 1973-го. Письмо написано и отправлено. Февраль 1974-го. Солженицын выслан из СССР. Март 1974-го. Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, посвященное Нечерноземью. «Нечерноземье» (то есть Россия как таковая) оказывается в центре советской государственной политики, на него реально начинают выделяться средства. Апрель 1974-го. БАМ объявляется всесоюзной стройкой – одновременно антикитайская линия и развитие Северо-Востока. При этом Амурская магистраль *упомянута* в тексте письма в цитате из речи Столыпина: «И по поводу Амурской железной дороги: “Если мы будем продолжать спать летаргическим сном, то этот край будет пропитан чужими соками…”» [6, с. 163].

Наибольшую наивность Солженицын проявил, пожалуй, предполагая, что его программа может быть принята Политбюро в интересах продолжения противостояния с Западом. Не противостояния хотели кремлевские тогда еще не старцы, а *признания и слияния*, торжества, подобного тому, которое совершилось в 1975 году в Хельсинки. Солженицына не недопоняли, а напротив – слишком хорошо поняли и потому извергли «во тьму внешнюю», на тот самый Запад, наущать против которого он смел в своем письме.

Крик ястреба. Солженицын и холодная война

Реакция Солженицына на изгнание оказалась далека от ожидаемой и в СССР, и на Западе. Он отказался от превращения в эмигрантского идеолога, пытающегося докричаться до своей страны «поверх барьеров». Обращенная к России деятельность Солженицына сводится к эффекту его книг, прежде всего «Архипелага», и к поддержке «Фондом Солженицына» узников совести. В своей работе политика и публициста Солженицын полностью переориентируется на западную аудиторию.

Власть Политбюро над Россией не была бы устойчивой и долговечной без прикорма советской системы из-за рубежа, – таково было глубокое убеждение Солженицына, – а потому, чтобы освободить Россию от коммунизма необходимо прекратить его внешнюю поддержку. Это было невозможно без излечения поразившей Запад зависимости от «опиума интеллектуалов» (как выражался Раймон Арон), веры в «хороший коммунизм» и в благодетельность принудительно устанавливаемого равенства.

«Была одна идеологическая атмосфера до Солженицына – и другая после», – отмечал французский журналист Бернар Пиво [17, с. 416]. Фактически в одиночку Солженицын сдвигает общественное мнение и политику Америки и Европы вправо. «Архипелаг» делает беспочвенными и аморальными любые конструкции, построенные на принципах примирения, разрядки и конвергенции коммунистической и западной либеральной систем.

Книги Солженицына наносят чудовищный урон левым и коммунистическим партиям, переворачивают настроения многих левых интеллектуалов. А рядом стоит автор и с напором пропагандиста указывает на то, какие конкретные геополитические выводы следует сделать из этих книг: не верить СССР никогда и ни в чем, не вести никаких переговоров, не надеяться ни на какие мирные соглашения, не ждать ничего хорошего ни от какой разрядки, так как эта разрядка лишь укрепляет античеловеческую машину. Солженицын обличает лавирование Киссинджера и восточную политику Брандта, обличает лицемерие

нападок на Пиночета и Франко (авторитарные диктатуры которых по числу жертв и тотальности жестокости не сравнимы с коммунистической), бичует португальских социалистов и кубинское вторжение в Анголу[1]. Вскоре западные элиты не без нервозности начинают замечать, что Солженицын не просто стоит на правом фланге западной политики, «правее Голдуотера», но и перетягивает за собой центр.

Особенно шокирующее впечатление и в СССР, и на Западе произвела в 1975 году речь перед представителями американских профсоюзов в Нью-Йорке (а профсоюзы были одной из важнейших опор Демократической партии, представитель которой Джимми Картер в 1976 году выиграет президентские выборы и уже при нем пойдет демонтаж «разрядки»).

Солженицын призывал в этой речи к тотальному недоверию, всеминутной готовности к войне, а главное – экономическому бойкоту СССР: «Господа, особенно те, кто имеет социалистическое мировоззрение: дайте же наконец социалистической экономике доказать своё превосходство! Дайте ей доказать, что она передовая, что она всемогущая, что она вас побила, что она вас перегнала. Не вмешивайтесь в неё. Перестаньте ей давать взаймы и продавать…» [31, с. 277]. «Когда нас живьём закапывают в землю, пожалуйста, не подавайте лопаты могильщикам! Пожалуйста, не посылайте им современных землеройных машин!» [31, с. 275].

На Солженицына обрушились мощные обвинения и в СССР, и в западной прессе, как на человека, призывающего задушить свою же страну голодом. В неокоммунистических кругах до сих пор существует популярный миф, что в этой речи содержались призывы к ядерной атаке на СССР (беспардонная ложь). Но несомненно, что Солженицын здесь пытается добиться максимально резкого и открытого разрыва США и СССР именно в тех сферах, которые были жизненно важны для советского общества, призывал лишить советскую власть возможности соединять внешнюю политику экспорта революции, и экономику импорта буржуазности.

Получается, никакого противоречия между разделенными менее двумя годами «Письмом вождям» и Нью-Йоркской речью – нет. И тут и там Солженицын пытается разорвать нити «конвергенции», не допустить встраивания советского общества в Западное при сохранении коммунистического строя. Не уговорив советских вождей самим прервать конвергенцию и обратиться к национал-изоляционизму, Солженицын рассчитывает сделать это руками вождей западных. С Востока ли, с Запада ли, он стремится разрубить нити «конвергенции», консолидирующей просвещенческий проект.

Впрочем, скоро Солженицын обнаруживает такую фундаментальную деградацию западной цивилизации, такую утрату ею собственных христианских корней и идентичности, что именно упадок этой цивилизации становится едва ли не более важным объектом его критики, чем коммунистическая угроза. «Гарвардская речь» 1978 года стала своего рода идеологическим землетрясением, мобилизовав старых европейских правых – христиан, консерваторов, до той или иной степени оппонентов просвещенческого проекта, на их «последний и решительный бой», который вскоре породит «рейгановскую» правую революцию.

Столкнувший цивилизации. «Гарвардская речь»

Для самого Солженицына «Гарвардская речь» – это манифест его антипросвещенческой философии, приложенной к Западу. Он начинает с отрицания универсализма, которое делает просвещенческий проект бессмысленным. Утверждает множественность самобытных цивилизаций, среди которых резервирует место и для России.

[1] Пожалуй, наиболее характерный пример развернутого антикоммунистического памфлета: *Солженицын А.И.* Коммунизм к брежневскому концу [34].

> «Всякая древняя устоявшаяся самостоятельная культура, да ещё широкая по земной поверхности, уже составляет самостоятельный мир, полный загадок и неожиданностей для западного мышления. Таковы по меньшему счёту Китай, Индия, Мусульманский мир и Африка, если два последние можно с приближением рассматривать собранно. Такова была тысячу лет Россия, – хотя западное мышление с систематической ошибкой отказывало ей в самостоятельности и потому никогда не понимало, как не понимает и сегодня в её коммунистическом плену…
>
> Как ещё сравнительно недавно маленький новоевропейский мирок легко захватывал колонии во всём мире, не только не предвидя серьёзного сопротивления, но обычно презирая какие-либо возможные ценности в мироощущении тех народов! Успех казался ошеломляющим, не знал географических границ. Западное общество развёртывалось как торжество человеческой независимости и могущества. И вдруг в XX веке так ясно обнаружилось, что оно хрупко и обрывчато… Сейчас соотношение с бывшим колониальным миром обратилось в свою противоположность, и западный мир нередко переходит к крайностям угодливости» [7, с. 310].

Не долго медля Солженицын обрушивается на конвергенцию как продукт универсалистского просвещенческого проекта, который стремится привести все исторические миры под один западный стандарт.

> «Длящееся ослепление превосходства поддерживает представление, что всем обширным областям на нашей планете следует развиваться и доразвиться до нынешних западных систем, теоретически наивысших, практически наиболее привлекательных; что все те миры только временно удерживаются – злыми правителями, или тяжёлыми расстройствами, или варварством и непониманием – от того, чтоб устремиться по пути западной многопартийной демократии и перенять западный образ жизни. И страны оцениваются по тому, насколько они успели продвинуться этим путём. Но такое представление выросло, напротив, на западном непонимании сущности остальных миров… Тоска расколотого мира вызвала к жизни и теорию конвергенции между ведущим Западом и Советским Союзом – ласкательную теорию, пренебрегающую, что эти миры друг во друга нисколько не развиваются, и даже непревратимы друг во друга без насилия. А кроме того конвергенция неизбежно включает в себя принятие также и пороков противоположной стороны, что вряд ли кого устраивает» [7, с. 311].

Вслед за тем большую часть речи Солженицын посвящает обличению именно тех черт западной цивилизации, которые является продуктом просвещенческого проекта, – юридизм, формально безграничная свобода прессы, сочетающаяся с направленчеством и жесточайшей идеологической цензурой, либерализм как равновесие добрых дел и худых. Распространение преступности, связанное с «гуманистическим человеколюбивым представлением, что человек, хозяин этого мира, не несёт в себе внутреннего зла, все пороки жизни происходят лишь от неверных социальных систем, которые и должны быть исправлены» [7, с. 316].

В финале речи Солженицын прямо и недвусмысленно формулирует самые основы своей версии программы «нового средневековья». Он не только не скрывает, но и подчеркивает, что коммунизм и упадочный западный либерализм – это по сути одно: «в основаниях выветренного гуманизма и всякого социализма можно разглядеть общие камни: бескрайний материализм; свободу от религии и религиозной ответственности

(при коммунизме доводимую до антирелигиозной диктатуры); сосредоточенность на социальном построении и наукообразность в этом (Просвещение XVIII века и марксизм)» [7, с. 325–326]. Однако из этого он делает вывод, что коммунизм как более радикальное мировоззрение победит расслабленный Запад.

Это положение может считаться не оправдавшимся последующим ходом истории – коммунизм рухнул, а торжествующий либерализм провозгласил конец истории. Но только сам вскоре после этого стал эволюционировать в сторону «культурного марксизма», приобретшего десять лет спустя после смерти писателя вполне тоталитарные формы натурального «ЛГБТлага».

«Гарвардская речь» имела долгосрочные интеллектуальные последствия. Универсалистская модель «модернизации как вестернизации» остается лишь для использования «самодовольным чиновником» [30, с. 401] Фукуямой и заводит Америку в тупики либерального интервенционизма (впрочем, к нашим дням американский политолог перековался и прославляет марксизм, что еще раз подтверждает справедливость солженицынской мысли о единстве либерального и коммунистического крыльев просвещенческой идеологии).

В центре западной политической мысли оказывается концепция столкновения цивилизаций, признающая данилевско-тойнбианско-солженицынские «самостоятельные миры» реальными политическими субъектами. Если Сэмюэль Хантингтон обходит молчанием очевидную связь своей концепции с «Гарвардской речью» (которую он, вероятно, слышал лично, будучи преподавателем университета), то идеолог правого республиканизма, а затем трампизма Патрик Бьюкенен ссылается на русского мыслителя постоянно: «Солженицын сказал: “Чтобы уничтожить народ, нужно лишить его корней”» [40, с. 240].

> «Меня упрекали, что я разрушал двуполюсный мир, – говорил Солженицын на встрече в Саратовском университете. – Я согласен этот упрёк принять: в том смысле разрушал, что, находясь в СССР, не боялся, когда головы секли, говорить о коммунизме всё, что я думал. А когда меня выслали на Запад, то, не боясь того, что нахожусь на американской земле, на их земле, я говорил всё, что думал, – о западной жизни, об Америке. И там находились такие, что писали жирными заголовками: пошёл вон, если тебе не нравится наша страна! убирайся в СССР! Да, я разрушал двуполюсный мир. Но он и не должен быть двуполюсным. Он должен быть многополюсным. Он имеет право на высокое и объёмное многообразие» [16, с. 411].

«Гарвардская речь» была интеллектуальным Рубиконом и для глобальной, и для русской мысли – траектория орбитального пути себя исчерпала и намечается какая-то другая. Исчерпала – не значит, что уже закончилось движение по этой траектории. Но оно становится все менее естественным и все более принудительным.

Пророчество Солженицына о том, что сошедшая с коммунистических рельсов Россия будет с изумлением наблюдать, как Запад будет принимать марксизм и коммунизм в их все более чудовищных формах, похоже, начинает сбываться. Гримасы политкорректности складываются во все более узнаваемую гулаговскую физиономию. Поучителен в этом смысле случай определяющего тенденции моды журнала “Vogue”, который в рамках кампании за разнообразие… обрядил моделей разных рас и комплекций в одинаковые безликие, едва не тюремного покроя робы. Это, конечно, «ГУЛАГ-лайт», пока чисто символический, но кто знает, как далеко зайдет дело дальше? Один из лидеров современных французских консерваторов Филипп де Вилье не случайно говорит в интервью «Фигаро» о том, что русский писатель научил его «видеть ГУЛАГ нашего времени» [44].

Однако в сам момент произнесения гарвардский монолог вряд ли был в тот момент кем-то услышан. Западные интеллектуалы составили убедительные и самоуспокоительные

апологии просвещенческих основ своей цивилизации[1]. А вот ядовитая критика расслабленности и капитуляции перед злом, отравлявших воздух 1970-х, была чрезвычайно созвучна тому, что высказывалась на самом Западе всеми, кто был хоть немного правее крайней левизны. Без преувеличения, Солженицын был одним из ключевых деятелей, подготовивших рейгановский поворот (впрочем, разворот в холодной войне пошел уже при Картере), а стало быть и крах идей конвергенции, начало полноценной холодной войны, «выталкивание» СССР из зоны комфортного существования в качестве планеты-спутника Запада.

Тысячелетнее царство. Солженицын против Пайпса

Верность солженицынской стратегемы была доказана жизнью. Вне режима «разрядки» начался ускоренный коллапс советской власти. Однако к этому моменту Солженицына уже больше беспокоит тот факт, что разгорание холодной войны ведет к росту не столько антикоммунизма, сколько русофобии. Укрепление воли и решимость не сдаваться врагу с востока безусловно стали ярко выраженным феноменом 1980-х, только враг был определен не столько как коммунисты, сколько как русские.

Писатель по мере сил пытается исправить эту ошибку прицела. Его статьи и интервью начала 1980-х – это горячая полемика против западной русофобии, воплощенной в таких фигурах как Ричард Пайпс. В статьях «Коммунизм: у всех на виду – и не понят» для журнала «Тайм», «Чем грозит Америке плохое понимание России» и «Иметь мужество видеть» для “Foreign Affairs”, речи в Гуверовском институте Солженицын настойчиво подчеркивает, что использование понятия «русский» вместо «советский» в дискурсе холодной войны, идентификация коммунизма как «чисто русской болезни», установка на то, что главным врагом Запада является возрождение русского национального самосознания, – глубоко неверная стратегия, которая сулит Западу противостояние не с ослабевающим Политбюро, а с самим русским народом.

> «Искажение русской исторической ретроспективы, непонимание России Западом выстроилось в устойчивое тенденциозное обобщение – об “извечном русском рабстве”, чуть ли не в крови, об “азиатской традиции”, – и это обобщение опасно заблуживает сегодняшних западных исследователей… искусственно упущены вековые периоды, широкие пространства и многие формы яркой общественной самодеятельности нашего народа – Киевская Русь, суздальское православие, напряжённая религиозная жизнь в лесном океане, века кипучего новгородского и псковского народоправства, стихийная народная инициатива и устояние в начале XVII века, рассудительные Земские Соборы, вольное крестьянство обширного Севера, вольное казачество на десятке южных и сибирских рек, поразительное по самостоятельности старообрядчество, наконец, крестьянская община… И всё это искусственно заслонили двумя веками крепостничества в центральных областях и петербургской бюрократией» [21, с. 301–302].

Солженицын яростно критикует перекочевавшую в американскую советологию парадигму Бердяева: советский коммунизм – это продукт Московского царства, «Третий Интернационал» – это новая форма мессианизма «Третьего Рима», Сталин – это Иван Грозный сегодня [20, с. 392].

[1] Характерный пример: *Берман, Гарольд Дж.* Важнейшее в законе: ответ Солженицыну – с характерными культур-расистскими пассажами: «Солженицынская критика моральной ценности права или критика права как воплощения моральных ценностей связана с той формой антиномианизма («закононенавистничества»), которая глубоко укоренена в русской истории и культуре. В традиционном русском православии закон резко противопоставлен благодати, вере и любви» [39, с. 398]. О понятии Правды в русской православной культуре, центральном для Солженицына, американский философ права даже не слышал.

> «При изучении китайской, таиландской или любой африканской истории и культуры считается необходимым испытывать уважение к её своеобразию, – устраивает Солженицын разнос Пайпсу. – По отношению же к русскому тысячелетнему восточному христианству западные исследователи во множестве испытывают лишь презрение и удивление: почему этот странный мир, целый материк, всё не принимал западного мировоззрения и всё не шёл по столь явно преимущественному западному социальному пути? Россия решительно осуждается за всё, в чём она не похожа на Запад» [19, с. 340–341].

Не случайно его главным противником оказывается именно Ричард Пайпс, автор знаменитого уничижительного для русских трактата «Россия при старом порядке». Именно его установка на системную дискредитацию старой России и представляется «восстановителю» старого порядка Солженицыну наиболее вредоносным. «Русский народ живёт на земле уже 1100 лет – дольше многих из своих нетерпеливых учителей. И за эти 1100 лет в нём создались и накопились некие свои традиционные общественные понятия, которые не надо спешить осмеивать со стороны» [19, с. 374].

Противостояние Солженицын – Пайпс приводит к громкому скандалу – публичному отказу писателя от участия в завтраке «советских диссидентов» с президентом Рейганом, инициированном Пайпсом, вместо личной встречи двух ведущих консерваторов эпохи.

> «Некоторые американские генералы предлагают уничтожать атомным ударом – избирательно русское население, – писал Рейгану Солженицын, – Странно: сегодня в мире русское национальное самосознание внушает наибольший страх: правителям СССР – и Вашему окружению. Здесь проявляется то враждебное отношение к России как таковой, стране и народу, вне государственных форм, которое характерно для значительной части американского образованного общества, американских финансовых кругов и, увы, даже Ваших советников… Если бы где-нибудь встречу с Вами сочли бы нежелательной по той причине, что Вы – патриот Америки, – Вы бы тоже были оскорблены» [32].

С этим призывом ему приходилось обращаться не только к Западу, но и к русскоязычной эмиграции третьей волны. В начале 1980-х возобновляется полемика с «образованщиной», вылившаяся в два блистательных памфлета: «Наши плюралисты» и специальный пушкиноведческий «…Колеблет твой треножник». Эта полемика имеет для Солженицына тем более значение, что он, постигнув силу западной русофобии, осознаёт, какими чудовищными последствиями может обернуться для России выход из коммунизма под внешним давлением столь русофобски настроенного Запада и под влиянием столь русофобски настроенной либеральной интеллигенции. Его идеологической доминантой в 1980-х становится антифеврализм – он не только работает над «Мартом семнадцатого», но и начитывает его фрагменты для радио именно в надежде предупредить общество на родине против феврализма, начавшего возрождаться вместе с горбачевской перестройкой.

Обустройство России

Солженицын уклоняется и от участия в перестроечных процессах на родине. Воздерживается от присутствия на Родине в качестве активного политического игрока. Лишь в июле 1990 выходит огромными тиражами одновременно в «Комсомольской правде» и «Литературной газете» проповедь «Как нам обустроить Россию», по сути – «Письмо народам Советского Союза» и прежде всего русскому народу [11].

Уже видя надвигающуюся катастрофу, Солженицын предлагает первоочередные меры против надвигающегося обвала: выкраивание государства русским по мерке из

четырех республик (и предупреждает об опасности украинского сепаратизма), цивилизованный развод с остальными, отказ от того, что еще осталось из дорогостоящего шумного советского империализма, воздержание от слепого копирования западной демократии (политический раздел этой работы, по сути, – наш, русский «Федералист), предупреждение против поспешных рыночных реформ, подчеркнутое противопоставление воровской «приватизации» и создания настоящего слоя собственников, что включало бы бесплатную раздачу земли (парадоксально, но этот пункт программы хотел реализовать ГКЧП).

Однако в этом «слове к народу» слишком нерезко выражено то внутреннее понимание, которое проявлено в записках для себя: невозможно надеяться на то, что выход из коммунизма не будет сопровождаться чудовищным давлением извне, что Россию будут бить смертным боем. А потому «антидержавные» пассажи этого документа оказываются направленными к ложной цели.

Да, океанский флот чудовищно дорог, но его отсутствие может обойтись еще дороже. Характерная для «Как нам обустроить Россию» некоторая внешнеполитическая безугрозность в чем-то поразительна для человека, который в 1987 году отказался принимать американское гражданство, изучив текст клятвы и обнаружив там возможную обязанность воевать против России, и который сам же первым привлек внимание общественности к американскому “Public Law 86-90 Captive Nations Week Resolution” – «Закону о порабощенных нациях», где в число порабощенных Россией народов были записаны «Идель-Урал» и «Казакия».

Главной же проблемой политического выступления Солженицына оказалась его изолированность. Обсуждение «Как нам обустроить Россию» было прервано окриком Горбачева, а попыток настойчиво разъяснять свои идеи именно читателям на Родине Солженицын не предпринял. Если бы он развернул такую активность публицистических выступлений, какая была характерна для него в 1973–1978 годах, то, с учетом того, что в 1990–1991 годах у русского общества уже начиналось опамятование от перестройки, конечный результат его политического воздействия мог бы быть совсем иным.

Еще одна попытка политического воздействия в этот период – письмо Ельцину 30 августа 1991 года с призывом не признавать государственными административных границ советских республик и добиваться объединения русских в одно государство.

> «Это особенно остро – с границами Украины и Казахстана, которые произвольно нарезали большевики. Обширный Юг нынешней УССР (Новороссия) и многие места Левобережья никогда не относились к исторической Украине, уж не говоря о дикой прихоти Хрущёва с Крымом. И если во Львове и Киеве наконец валят памятники Ленину, то почему держатся как за священные – за ленинские фальшивые границы, прочерченные после гражданской войны из тактических соображений той минуты? Также и Южная Сибирь за ее восстания 1921 г. и уральское и сибирское казачество за их сопротивление большевикам были насильственно отмежёваны от России в Казахстан.
>
> Я с тем и спешу, чтобы просить Вас: защитить интересы тех многих миллионов, кто вовсе не желает от нас отделяться. При Вашем огромном влиянии примите все меры, чтобы референдум на Украине 1 декабря был проведен полностью свободно, без всякого давления (оно очень возможно!), без искажений голосования – и чтобы результат его учитывался отдельно по каждой области: каждая область должна сама решать, куда она прилегает. И сразу слышим угрозы, со срывом голоса: «Это война!», – нет, только вольное голосование, которому все и должны подчиниться» [33, с. 353, 354].

О невозможности этому письму произвести какой-либо эффект Солженицын с горечью пишет в мемуарах: «Я не предугадывал сочинского отдыха Ельцина, что он искал только двух-трёхнедельного пьяного торжества на берегу Чёрного моря – на малом клочке

оставшегося российского побережья, а всё остальное море, за выход к которому Россия вела два века подряд восемь войн, да в придачу и с Азовским, – с лёгкостью подарил Украине, вместе с полудюжиной русских областей и 11–12 миллионами русских людей» [38].

В этот момент игра Солженицына может казаться почти проигранной. Да, коммунизм, самым знаменитым врагом которого был Солженицын, – рухнул. Но Россия не только не уходит тем самым от Просвещения, но безоговорочно перед ним капитулирует в его наиболее агрессивной глобалистской форме. Она уже не присасывается к «Первому миру», как в детантно-конвергентных проектах, а бухается в Запад, как в омут. Внутренним аспектом этой капитуляции является фанатичная русофобия образованщины, в руки которой попадает идейное осмысление путей России, и теперь образованщина с наслаждением втаптывает «эту страну» в грязь. Солженицын наблюдает именно то, что пытался предотвратить, – фарсовое повторение феврализма. Вовне же настропаленный волевой риторикой «Гарвардской речи» Запад уже не хочет знать никакой «конвергенции», только сокрушение СССР, только безоговорочная капитуляция. Главная цель Солженицына кажется как никогда далекой от достижения.

Однако деятельность Солженицына сдвигает такие тектонические плиты, что именно в момент предельного поражения плоды его деятельности работают на итоговый успех. Внушенная Солженицыным «решительность», помноженная на русофобию и просвещенческий универсализм (бессилие справиться с которыми Солженицын сам признал в середине восьмидесятых), порождают давление такой силы и безапелляционности, что меньше чем за десять лет Запад сам выталкивает Россию из своего миропорядка. Солженицыну остается лишь констатировать лицемерие Запада и указывать на новые возникающие перед Россией угрозы. Случившееся вместо бархатной «конвергенции» мучительное утопление России в Западе привело и к скорому всплытию.

С другой стороны, окончание коммунистической «перестройки» и начало «обвала» открывает пространство для публицистической энергии Солженицына. С началом обустройства новой России к писателю возвращается политический задор, и следующее десятилетие он выступает сначала на Западе, затем в России, расставляя новые государственные вехи.

Когда СССР «беловежская корова слизнула в одну содружную вечеринку», Солженицын призывает поставить перед Украиной вопрос об этническом размежевании с голосованием о независимости не всей УССР, а по областям. Отношение Солженицына к украинской проблеме тем более показательно, что его собственная идентичность всегда понималась им как русско-украинская, он никогда не отрицал права Украины на существование, но в реальных, исторических этнических границах.

> «В результате внезапного и грубого установления границ внутри славянских народов миллионы семейных и дружеских связей оказались разрушены. Разве это можно принять безропотно? Недавние выборы на Украине, к слову, явно демонстрируют предпочтения жителей Крыма и Донецка… Я сам почти наполовину украинец. В детстве я слышал очень много украинской речи. Я люблю эту культуру и искренне желаю Украине всяческих успехов, но только в её истинных этнических границах – без прихваченных по дороге российских территорий. И уж точно не в качестве «великой державы», на что сейчас сделали ставку украинские националисты. Они всячески кривляются и приветствуют создание культа силы, убеждённо стараясь слепить из России врага. Повсюду звучат агрессивные лозунги. В украинской армии вовсю пропагандируется неизбежность войны с Россией» [18, с. 476].

Проблему права русской нации жить на своей земле он ставит и применительно к внутренним делам нынешней России – указывает на неприемлемость ленинского типа «федерации» («федеративным договором Ленин ещё раз кусает нас из мавзолея, но Рос-

сия никогда не была федерацией и не создавалась так»), парада суверенитетов, неравноправия русских, языковой дискриминации русского населения – «систему национального неравноправия надо кончить».

> «В автономиях (со своими президентами, конституциями, флагами, гимнами) – «титульные» народы почти всюду составляют меньшинство, иногда резкое меньшинство – между тем определяют собой аппарат и идеологию управления... равенство грубо нарушено в наших автономиях – языковыми и служебными преимуществами «титульной» нации. Всё это – кричаще несправедливо. И должно безотлагательно быть исправлено... В автономиях нельзя признать за «титульной нацией», даже если она не в меньшинстве, фактического права управлять всем населением территории от себя, а не в составе общегосударственного управления и по общегосударственным законам…» [13, с. 259].

Он требует незамедлительно предоставить «помощь русским беженцам в их переселении в Россию» [18, с. 479].

> «В 24 часа наши соотечественники оказались «за границей» (в кавычках) «иностранцами» (в кавычках), многие в тех местах, где жили отцы их и деды, – а теперь они притесняемые, а теперь они изгоняемые. А мы? Я брал цифры и видел, как мало мы отпускаем на помощь нашим соотечественникам. Говорят, нет денег. У государства, допускающего разворовку национального имущества, не способного взять деньги с грабителей, нет денег» [15, с. 393].

Параллельно он предостерегает в речи перед Государственной Думой против расширения миграционного половодья:

> «Есть ещё встречная волна так называемых мигрантов. Объявили себя республики суверенными государствами. Но почему-то их граждане приезжают к нам… Эта незаконная эмиграция ущемляет коренное население: в жилье, в коммунальных услугах, в транспорте, в медицине, в образовании, в имущественных объектах» [15, с. 394].

Обращает на себя внимание тот факт, что масштаб миграционной проблемы для Европы он начинает осознавать тогда, когда о ней никто даже не начинал думать: «В Великобритании, ещё с иллюзорной хваткой её за мифическое Британское содружество и при чутком возмущении общества против малейших расовых утеснений, это привело к тому, что страна наводнилась азиатами и вест-индцами, совершенно равнодушными к английской земле, культуре, традициям в только ищущими пристроиться к уже готовому высокому стандарту жизни. Так ли уж это хорошо?» – сказано в 1973 году [4, с. 245]. И о том же двадцать лет спустя: «Сегодня, хотя бы по растущему напору беженцев, который ломится через все европейские границы, – Западу трудно не ощутить себя крепостью: пока весьма благополучной, но и осаждённой» [10, с. 609].

Солженицын жесточайше критикует непродуманные западнические экономические реформы – «ну кто может свою мать лечить шоковой терапией?» [23, с. 468]; напоминает о том, что дореволюционная Россия была страной с развитым внутренним рынком и собственной традицией предпринимательства, но то был «производственный капитализм, создавались ценности» [24, с. 441]. Обнажает лживость приватизации указанием на то, что «не созданы условия приобретения земли подлинными земледельцами, у них нет средств» [18, с. 479]. Он оставляет свой прежний антииндустриализм и говорит о распаде промышленности, о трагедии науки «в пиратском государстве».

В 1990-х Солженицын, по сути, единственный, кто постоянно и громко выступает ходатаем прав русского человека в его унижении и бесправности. Постоянно говорит о правах «отмежёванных», ставших «иностранцами в 24 часа». Первым обращает внимание на фак-

тический геноцид русских в дудаевском террористическом анклаве. Помню, как тогда говорили: «Только два человека представляют интересы русских – Солженицын и Патриарх».

Речь перед Государственной Думой 28 октября 1994 года, статья «“Русский вопрос” к концу XX века», книга «Россия в обвале», пожалуй, по-настоящему эпохальные достижения солженицынской национальной публицистики, до сих пор до конца толком нами не осмысленные.

Опора на свою территорию

Одна из центральных тем проповеди Солженицына – *цивилизационный суверенитет* России в мире, где очевидно не только многообразие, но и разбегание цивилизаций.

> «Человечество развивается не единым потоком, а отдельными областями, отдельными культурами, у которых свои закономерности в развитии. Это впервые было отмечено Николаем Данилевским в XIX веке в России, потом, на переходе к XX веку, Николаем Трубецким, но не было усвоено до тех пор, пока эту же идею провёл Освальд Шпенглер, а за ним Арнольд Тойнби. Поскольку эти культуры, эти огромные, часто замкнутые, миры развиваются не по единой команде и не по единому закону по всей Земле – то в разное время они возвышаются, усиляются, потом, наоборот, ослабляются. Сегодняшнее усиление ислама, исламского фундаментализма – яркий пример этого феномена… Могут быть вспышки и других культур: восточных, дальневосточных, может быть даже африканских… В этом разнообразии мира состоит его высшая красота» [24, с. 439].

Всегда симпатизировавший борьбе папства с коммунизмом, писатель решительно напоминает, что «у католиков много повсюду упущенной паствы, и лучше бы католикам заниматься её спасением, а не смотреть на Россию как на пустыню, которую надо занять под католицизм» [17, с. 430–431].

Наконец, предельно последовательно говорит Солженицын о натовской угрозе, об опасности даже прямой «обезоруживающей» агрессии против России.

> «Власти Соединённых Штатов, почувствовав победу в холодной войне, не смогли этим ограничиться. Сколько знает земная история попыток создания мировых держав? Сегодня в этот соблазн впали Соединённые Штаты… НАТО – Северо-Атлантический союз, я подчёркиваю, *Северо-Атлантический*. И где оно уже? В Средней Азии, в Закавказье и броненосцем врезалось в Украину, которая мечтает войти в НАТО. Как должна Россия понять? Конечно, создать окружение, самое обыкновенное стратегическое окружение, такое, что если нужно будет в какой-то момент, то за 2–3 часа можно наши главные центры достичь с этих мест легко… Когда НАТО бомбило Югославию, восточноевропейская общественность аплодировала, Прибалтика аплодировала! Мы проливали слёзы над восточноевропейцами – несчастные, бедные, как бы вас освободить, – а они аплодируют: бейте сербов! бейте сильней, бейте! Что случилось с людьми?» [26, с. 481–482].
>
> «Расширение НАТО – что это?.. Если не окажется достаточно удушения российского экспорта тарифами (кроме понуждаемо дешевого экспорта сырья); не окажется достаточно и неумолимой диктовки внутрироссийских программ взамен на расслабляющие займы, – то в запасе будет “обезврежение” России до обморочного состояния» [27, с. 445].

В конечном счёте антизападнический поворот российского общества после горячо осужденных писателем западных атак на Сербию и начало путинской нормализации России, во многом соответствующей идеям «Письма вождям», обозначает начало эпохи «прорастания» солженицынских идей в идеологии и политической практике России.

Не случайно солженицынская формула о сбережении народа становится краеугольным камнем государственной идеологии.

Сам престарелый, тяжело больной писатель уже не в силах активно участвовать в этом процессе, но поддерживает его со всей определенностью. Интервью журналу «Шпигель» летом 2007 года оказывается своеобразным политическим завещанием:

> «Путину досталась по наследству страна разграбленная и сшибленная с ног, с деморализованным и обнищавшим большинством народа. И он принялся за возможное – заметим, постепенное, медленное, – восстановление её. Эти усилия не сразу были замечены и, тем более, оценены. И можете ли Вы указать примеры в истории, когда меры по восстановлению крепости государственного управления встречались благожелательно извне?» [22, с. 510–511].
>
> «Надо удивляться, как за короткие годы, прошедшие со времён тотальной подчинённости Церкви коммунистическому государству, ей удалось обрести достаточно независимую позицию. Не забывайте, какие страшные человеческие потери несла Русская православная церковь почти весь XX век. Она только-только встаёт на ноги… "Социальная Доктрина" Русской православной церкви идёт гораздо дальше, чем программы правительства. А в последнее время митрополит Кирилл, виднейший выразитель церковной позиции, настойчиво призывает, например, изменить систему налогообложения, уж совсем не в унисон с правительством» [22, с. 516].

В этом интервью Солженицын констатирует отвращение русским обществом лица от Запада, как раз незадолго до того прозвучала «Мюнхенская речь», которая выстроена во многом именно в логике солженицынской плюралистической цивилизационной геополитики.

> «Когда я вернулся в Россию в 1994-м, я застал здесь почти обожествление Западного мира и государственного строя разных его стран. Надо признать, что в этом было не столько действительного знания и сознательного выбора, сколько естественного отвращения от большевицкого режима и его антизападной пропаганды. Обстановку сначала поменяли жестокие натовские бомбежки Сербии. Они провели чёрную, неизгладимую черту – и справедливо будет сказать, что во всех слоях российского общества. Затем положение усугубилось шагами НАТО по втягиванию в свою сферу частей распавшегося СССР, и особенно чувствительно – Украины, столь родственной нам через миллионы живых конкретных семейных связей. Они могут быть в одночасье разрублены новой границей военного блока… В то же время Запад, празднуя конец изнурительной «холодной войны» и наблюдая полтора десятка лет горбачёвско-ельцинскую анархию внутри и сдачу всех позиций вовне, очень быстро привык к облегчительной мысли, что Россия теперь – почти страна «третьего мира» и так будет всегда. Когда же Россия вновь начала укрепляться экономически и государственно, это было воспринято Западом, быть может, на подсознательном уровне ещё не изжитых страхов – панически» [22, с. 514].

С тех пор, за десятилетие, прошедшее после смерти Солженицына, можно констатировать еще более определенное торжество его политического и философского видения. Современная Россия всё больше напоминает страну, «выдуманную» Солженицыным. Безусловно, она далека от совершенства – слишком мало демократии малых пространств и слишком много полицейщины не царского, а советского образца, слишком мало внимания благополучию людскому (и слишком сильны позиции обличенных Солженицыным горе-реформаторов). Но какое предшествующее нормальное русское правительство было совершенно?

И все-таки. Формула «сбережение народа» стала частью государственной идеологии. Крым и Севастополь возвращены, о необходимости сохранения русскости всеми представителями Русского міра говорится со всё большей настойчивостью. Все более конкретной становится и постановка вопроса и о внутреннем национальном равноправии в России, недопущении сепаратизма.

Внешнеполитическую идеологию России стал определять цивилизационный подход и антиглобализм, контуры которого были намечены писателем в «Гарвардской речи» и с тех пор неоднократно уточнялись, пока не отразились в другой речи другого человека – «Мюнхенской». Пока Запад съезжал на рельсы торжествующего «культурного марксизма», вплоть до строительства своего рода «ЛГБТлага», как и предсказывал еще в начале 1980-х писатель, Россия стала сдвигаться в другую традиционалистскую сторону глобальной оси, и так же под решающим как идейным, так и персональным влиянием Солженицына, его нравственных и политических уроков. Сегодня Москва на глазах превращается (если не уклонится, конечно, от солженицынских заветов и этого пути) в своего рода центр христианского консерватизма. Именно здесь центр защиты образа человека в его традиционном понимании.

Россия всё больше приобретает тот образ традиционной, по-хорошему авторитарной, народосберегающей, ориентированной на внутреннее освоение и самоустроение, но не приемлющей никакого внешнего давления нормальности, которую можно считать своего рода солженицынской политической утопией. Впрочем, утопистом он никогда не был. Напротив, остро ощущая то, что русская нация оказалась, по сути, «без места» в мире, Солженицын всю свою жизнь положил на то, чтобы это место нам вернуть, чтобы создать для русских страну, которая была бы Россией и по имени, и по сущности.

После мнимого промежуточного поражения долгий «матч» Солженицына с Просвещением закончился решительной победой. Сорвав «конвергенцию», ему удалось не допустить консолидации двух крыльев просвещенческого проекта и тем самым его окончательного утверждения. Приданное Солженицыным Западу «ястребиное» ускорение привело, пусть даже против сознательного намерения самого писателя, не только к сокрушению коммунизма, но и к выталкиванию постсоветской России из западного континуума. Гарвардская речь положила интеллектуальный предел модели просвещенческого универсализма и мифологии однолинейной «модернизации». А возбужденное Солженицыным же тяготение самой России к национальным началам, к религиозной и цивилизационной идентичности, установка на преемственность с исторической Россией, все это позволило не только выстоять под западным напором, но и превратило Россию в точку антипросвещенческой консолидации. Краткосрочно провалившаяся программа «Письма вождям» в своей главной, принципиальной тенденции к исходу из «просвещенческого» мира триумфально удалась.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Новое средневековье / Н.А. Бердяев // Смысл истории. Новое средневековье. М. : Канон+, 2017. С. 218–251.
2. *Солженицын А.И.* На возврате дыхания и сознания / А.И. Солженицын // Из-под глыб : Сборник статей. Paris : YMCA-Press, 1974.
3. *Солженицын А.И.* Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни / А.И. Солженицын // Из-под глыб : Сборник статей. Paris : YMCA-Press, 1974.
4. *Солженицын А.И.* Образованщина / А.И. Солженицын // Из-под глыб : Сборник статей. Paris : YMCA-Press, 1974.
5. *Солженицын А.И.* Нобелевская лекция / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995.
6. *Солженицын А.И.* Письмо вождям Советского Союза / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995.

7. *Солженицын А.И.* Речь в Гарварде / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995.

8. *Солженицын А.И.* Слово при получении премии «Золотое клише» / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995.

9. *Солженицын А.И.* Темплтоновская лекция / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995.

10. *Солженицын А.И.* Речь в Международной академии философии / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995.

11. *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию / А.И. Солженицын // Русский вопрос на рубеже веков. М. : АСТ, 2016.

12. *Солженицын А.И.* «Русский вопрос» к концу XX века / А.И. Солженицын // Русский вопрос на рубеже веков. М. : АСТ, 2016.

13. *Солженицын А.И.* Россия в обвале / А.И. Солженицын // Русский вопрос на рубеже веков. М. : АСТ, 2016.

14. *Солженицын А.И.* Перерождение гуманизма (Речь при вручении Большой премии Французской Академии моральных и политических наук) (Москва 13 декабря 2000) / А.И. Солженицын // Как нам обустроить Россию? СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

15. *Солженицын А.И.* Речь в Государственной Думе / А.И. Солженицын // Как нам обустроить Россию? СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

16. *Солженицын А.И.* Встреча в Саратовском университете / А.И. Солженицын // Как нам обустроить Россию? СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

17. *Солженицын А.И.* Парижская встреча в прямом эфире. Телевизионная передача Бернара Пиво «Культурный бульон» / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 3. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

18. *Солженицын А.И.* Интервью журналу «Форбс» / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 3. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

19. *Солженицын А.И.* Чем грозит Америке плохое понимание России / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995.

20. *Солженицын А.И.* Иметь мужество видеть / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995.

21. *Солженицын А.И.* Слово на приёме в Гуверовском институте / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995.

22. *Солженицын А.И.* Интервью журналу «Шпигель» / А.И. Солженицын // Как нам обустроить Россию? СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

23. *Солженицын А.И.* Интервью для российских телезрителей (21 октября 1993) / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 3. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

24. *Солженицын А.И.* Из интервью газете «Фигаро» / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 3. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

25. *Солженицын А.И.* Интервью немецкому еженедельнику «Ди Цайт» / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 3. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

26. *Солженицын А.И.* Беседа с Витторио Страда (20 октября 2000) / А.И. Солженицын // Как нам обустроить Россию? СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

27. *Солженицын А.И.* Лицемерие на исходе XX века / А.И. Солженицын // Как нам обустроить Россию? СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

28. *Солженицын А.И.* «Прямая линия» в «Комсомольской правде»: Телефонный разговор с читателями (15 апреля 1996) / А.И. Солженицын. // Как нам обустроить Россию. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

29. *Солженицын А.И.* Телеинтервью японской компании «Нихон» / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 3. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

30. *Солженицын А.И.* Интервью швейцарскому еженедельнику «Вельтвохе» / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 3. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

31. *Солженицын А.И.* Речь в Нью-Йорке перед представителями профсоюзов АФТ-КПП / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995.

32. *Солженицын А.И.* Письмо президенту Рейгану (3 мая 1982) / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 3. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

33. *Солженицын А.И.* Письмо президенту Ельцину (30 августа 1991) / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 3. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

34. *Солженицын А.И.* Коммунизм к брежневскому концу / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 3. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

35. *Солженицын А.И.* Черты двух революций / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. С. 504–537.

36. *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни / А.И. Солженицын // Собр. соч. : в 30 т. Т. 28. М. : Время, 2018.

37. *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Гл. 6. Русская боль // Новый мир. 2000. № 9.

38. *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Гл. 16. К возврату // Новый мир. 2003. № 11.

39. *Берман, Гарольд Дж.* Важнейшее в законе: ответ Солженицыну // Вера и закон: примирение права и религии. М. : Ad Marginem, 1999.

40. *Бьюкенен, Патрик Дж.* Смерть Запада. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003.

41. *Колеров Модест.* Тотальное Просвещение для Косово и всех нас // Логос. 1999. № 5.

42. *Полторацкий Н.* Бердяев и Россия. Нью-Йорк, 1967.

43. *Сахаров А.Д.* Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://old.sakharov-center.ru/sakharov/works/razmyshleniya.php

44. «Солженицын научил меня видеть ГУЛАГ нашего времени» : Интервью с Филиппом де Вилье [Электронный ресурс] // Le Figaro. 2018. 06.08 / Режим доступа: https://inosmi.ru/politic/20180806/242923750.html

45. *Токвиль, Алексис де.* Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992.

46. *Хабермас, Юрген.* Зверство и гуманность // Логос. 1999. № 5. С. 14.

47. *Холмогоров Е.С.* Конституция старого народа : Историко-политическая концепция Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 3(4). С. 96–108.

48. *Холмогоров Е.С.* Поминки по полупросвещению. «Вехи», «Из-под глыб» и идеология Солженицына // Тетради по консерватизму. 2017. № 4. С. 45–64.

49. *Цымбурский В.Л.* Александр Солженицын и русская контрреформация / В.Л. Цымбурский // Остров Россия : Геополитические и хронополитические работы. М. : РОССПЭН, 2007.

50. *Чуковская Лидия.* Счастливая духовная встреча. О Солженицыне // Новый мир. 2008. № 9.

51. *Шмеман Александр, прот*. Дневники. 1973–1983. М. : Русский путь, 2005.

52. *Яковлев Н.Н.* ЦРУ против СССР. М. : Эксмо, 2003.

53. *Холмогоров Е.С.* Добрый дикарь на ледяном ветру. Парадоксы консервативного руссоизма в французской и русской мысли // Тетради по консерватизму. 2017. № 1.

54. Ремизов М.В. Опыт консервативной критики. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002.

Аннотация. В статье автор продолжает анализ идеологии Александра Солженицына, начатый в работе: Холмогоров Е.С. Поминки по полупросвещению. «Вехи», «Из-под глыб» и идеология Солженицына (Тетради по консерватизму. 2017. № 4). Показано, что базовым принципом консервативной философии Солженицына является фундаментальное неприятие идеологем Просвещения и переоценка «старого порядка» как нормального и политически приемлемого как прежде, так и теперь. Показана взаимосвязь между идеями Солженицына в «Гарвардской речи» и других социально-философских выступлениях и доктриной «нового средневековья» Николая Бердяева, показаны сходства и отличия обеих философий. Отмечено, что от роли критика Просвещения Солженицын перешел к роли реставратора старого порядка, создав достаточно специфичный взгляд на него с точки зрения консервативного городского сословия, разрушенного революцией. Свою реставрационную работу и идеологическую борьбу с идеями Просвещения Солженицын строит на противодействии идеям «конвергенции» коммунизма и либерализма, стремясь не допустить соединения двух крыльев просвещенческой идеологии в борьбе против традиционной России. В этом противостоянии Солженицын выступает оппонентом глобалистского проекта академика Сахарова, формулирует программу русского национал-изоляционизма и пытается обратиться с ней к советским лидерам в расчете оторвать их от слияния с Западом в период «разрядки». Выброшенный на Запад, Солженицын осуществляет программу «выталкивания» СССР из этого конвергентно-разрядочного мира, формируя атмосферу нетерпимости к коммунизму. Одновременно он полемизирует с русофобией западных академических и политических кругов. В конечном счете Запад, в значительной степени подчиняясь приданным ему Солженицыным ускорением, «выталкивает» Россию. В то же время как глобальная норма закрепляется провозглашенный в «Гарвардской речи» тезис о множественности цивилизаций и неприемлемости универсальной модернизации. В этом новом мире «столкновения цивилизаций», сконструированном в значительной степени усилиями Солженицына, Запад все больше сдвигается в сторону политкорректного «культурного марксизма», в то время как Россия оформляется по солженицынскому образцу как страна, где доминируют национальные, религиозные и традиционные ценности.

Ключевые слова: Солженицын, Бердяев, новое средневековье, конвергенция, холодная война, традиционализм, христианство, СССР, Россия, Сахаров, старый порядок, Просвещение, цивилизационный подход, антиглобализм, идентитаризм, русский консерватизм.

Yegor Kholmogorov, Essayist. E-mail: holmogorow@yandex.ru

The Old Order and Restoration. Solzhenitsyn's Ideology in the Framework of Anti-Enlightment

*Abstrac*t. In the article the author continues the analysis of Alexander Solzhenitsyn's ideology started in his previous works (see "Books on Conservatism", 2017, #4). The author shows that the basic principle of Solzhenitsyn's conservative consists in the fundamental rejection of the ideologems of the Enlightment and reevaluation of the "New Order" as normal and politically acceptable both before and now. The article also shows the interconnection of Solzhenitsyn's ideas expressed in his "Speech at Harvard" and other social and philosophical speeches, and Berdyaev's doctrine of the "New Middle Ages", and reveals the similarities and differences of both philosophies. It is noted in the article that Solzhenitsyn moved from the role of Enlightment critic to the role of restorer of the Old Order creating its very specific concept from the point of view of the conservative urban population destroyed by the revolution. Solzhenitsyn based his restoration work and ideological struggle with the ideas of Enlightment on the opposition to the ideas of communism and liberalism "convergence" while trying to prevent the uniting of the two wings of the Enlightment ideology in their struggle against traditional Russia. In this confrontation Solzhenitsyn opposed the globalistic project of Dr. Sakharov, formulated the program of Russian national isolationism and tried to offer this project to the Soviet leaders to prevent merging with the West in the time of "detente". Thrown out into the West, Solzhenitsyn carried out the program of "pushing out" the USSR from that world of convergence and détente while forming the atmosphere of intolerance towards communism. At the same time he entered into the controversy with the Russophobic academic and political circles in the West. In the long run the Western society yielding largely to the influence of Solzhenitsyn's ideas, "pushed out" Russia, while the thesis of civilizations plurality and inadmissibility of universal modernization proclaimed in Solzhenitsyn's "Harvard speech" was accepted as global standard. In this new world of "civilizations collision", created largely due to the efforts of Solzhenitsyn, the Western society shifts more and more to the political correctness of "cultured Marxism", while Russia is taking the shape in compliance with Solzhenitsyn's concept, - as the country with dominating national, religious and traditional values.

Keywords: Solzhenitsyn, Berdyaev, New Middle Ages, Convergence, Cold War, Traditionalism, Christianity, UUSR, Russia, Sakharov, Old Order, Enlightment, Civilized Approach, Anti-globalism, Identitarian Movement, Russian Conservatism.